

Сергей Пилипенко

Атланты

16+

Сергей Пилипенко

Атланты

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Пилипенко С. В.

Атланты / С. В. Пилипенко — «ЛитРес: Самиздат», 2010

ISBN 978-5-532-07788-1

Книга, которая способна дать ответы на все вопросы мироздания, а также поведаёт о том, куда подевались динозавры, мамонты, а с ними и многие другие виды животного мира. Это самый правдивый рассказ о том, кто, как, когда, зачем и почему создал на планете жизнь и построил ее по тому образу, который наблюдаем сейчас. В нем представлены все данные о нашей планете и ее природе, описано начало создания жизни, процессы преобразования среды, процесс генетического усовершенствования человека, изменения и превращения видов земных популяций.

ISBN 978-5-532-07788-1

© Пилипенко С. В., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Пролог	5
Раздел 1. Палеозавр	7
Глава 1. Нововведение	7
Глава 2. День первый	15
Глава 3. День второй	21
Глава 4. День третий	24
Глава 5. День четвертый	29
Глава 6. День пятый	34
Глава 7. День шестой	39
Глава 8. День седьмой	45
Глава 9. День восьмой, девятый, десятый или три дня раздумий	51
Глава 10. Начало положено	54
Глава 11. Совецание	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Пролог

Пожалуй, нет на сегодня ни одного произведения, раскрывающего полностью суть, так называемых, внеземных соприкосновений.

И в этом, собственно говоря, нет ничего удивительного, ибо ни одна из, так обозначенных, иноцивилизаций не оставила реальных или видимо доказуемых следов своего пребывания и, по сути, именно в этом и кроется причина всех наших мало состоятельных версий возникновения жизни на планете.

Те или иные источники указывают только на наличие такой связи и выдвигают лишь предположения, что обосновываются чисто теоретически, исходя из правил нашей насущной жизни.

Таким образом, человек пребывает в неведении своего собственного пути развития, и по сей день не имеет возможности более правильно истолковать всю свою сущность.

Представляемая книга – является настоящим прорывом в этом направлении и единственным в своем роде произведением строго научной ориентации, предписывающим вполне определенные шаги в дальнейшем настоящей современности в лице уже состоявшегося полуцивилизированного сообщества, желающего обрести свое собственное «Я» в общей коллегии иных цивилизационных миров.

В основе своего содержания оно напичкано многочисленными формулировками и выводами, что требуют определенных доказательств на базе производимых на Земле и в космосе экспериментов.

Эта книга – своеобразный справочник по факту образования земной структуры обитания и незаменимый указатель целенаправленного пути развития науки Земли.

Это также путь к тому самому совершенству, что переводит вид существа животного порядка в степень разумного вещества.

И это есть самое точное воспроизведение событий прошлого, что вполне укладывается в рамки теории возникновения жизни на Земле и имеет свою твердо обоснованную суть.

В то же время, к разряду непознанного книгу вряд ли можно отнести, ибо она изобилует знаниями современности и лишь в некоторой степени отягощает пока еще не узанным, или не признанным научно до конца.

Это своеобразный подарок времени нам всем к очередному дню торжества земных стихий, так или иначе, но участвовавших в самом процессе возрождения Земли и определивших в дальнейшем ее рельефность.

В любом случае, эта книга – путеводитель знаний. И ее внимательное изучение – есть не что иное, как выдвижение личности существа в порядок его нового разумного сложения.

Она же – гарант сохранения земных жизней, в своем общем числе образовавших живой эволюционный путь.

И, наконец, это книга добытого временем ума, ибо по своей сложности подразумевает именно это, вперед выдвигая только номенклатуру труда, утвержденного самим временем своего продвижения.

За этим скрывается наше будущее и именно этим подтверждается наш современный ум.

Соккрытие факта подобного являлось бы просто преступлением против всего человечества, а обнаружение имело бы вполне определенный смысл в самом факте пребывания настоящего дня.

Список земных стихий, прилагаемых к данному произведению, подскажет во многом и даст самое точное направление развития движения силы, а в последующем и докажет всю состоятельность произведения живым и мало приятным для человеческого бытования путем.

Лучшее для человека пока еще и не начиналось. И, по сути, все еще далеко впереди...

Человек – это звучит гордо.

Эта пропетая всеми истина давно обосновалась в нашем обиходе и воспринимается всеми, как что-то весьма практическое и в самой жизни необходимое.

Между тем, само выражение имеет куда более значительный смысл, нежели выше обозначенное и обретает поистине своей величину только в процессе познания всего того, что в действительности называется эволюцией жизни на Земле.

Познать это, а заодно и приобщиться к базе абсолютно новых познаний в этой области и предлагает ниже состоящий материал, который иначе как самими знаниями и не назовешь, ибо за одним следует другое, за ним следующее и так далее – до своего логического завершения.

Все это говорит о логике, которая, кстати, не исключает в себе же отдельные элементы вероятности того или иного события: как протекающего извне процесса, так и располагающегося внутри нас самих.

Не всегда вновь обретающиеся знания способны обрести смысл и истинное подтверждение в нашей повседневной бытовой жизни.

Есть подлинное разногласие между, так называемым, теоретическим тематическим приложением и практикой использования того или иного участка нашего мозгового накопления.

Но, в любом случае, теоретическая база знаний является основой для всякого практического исполнения и реальной опорой в деле достижения успехов труда.

Таим образом, накопленное в годах и воспринятое практически является основой нашей жизнедеятельности и составляет, так называемый, перворост истинности, несущей на себе уклад ума цивилизации.

Пределы ума не имеют границ, но, как и во всяком другом, имеются свои строгие ограничения, что благоразумно распределяют среду и осуществляют ту деятельность, что и необходима только для прироста его самого.

В таком случае, наш постоянный ум взаимозакключаем в себе и выдвигает во времени именно те требования, которые необходимы для дальнейшего развития или жизненного продвижения вперед.

И непосредственно ум связан с самим человеком, ибо в нем состоит и в нем же сосредотачивается природно.

А потому, человек – это действительно звучит гордо, ибо он собой олицетворяет ум и все, что с ним непосредственно связано.

Изучить свою собственную историю никогда не поздно. Так же, как и начать саму жизнь с начала. Пусть, не с номинального ее значения или нулевого отсчета времени, а уже по пути, совершенствуясь и становясь на новый виток своего же развития.

Поверьте, в этом есть действительная необходимость, и все пути ведут именно к тому.

Это еще один шаг навстречу будущему, а заодно усыпальная колыбель по прошлому, так глубоко нагадившему нам самим, что даже во времени со всем тем трудно совладать.

Это еще и истоки знаний, на которых базируется наш мир, и это же выступает главным в общей доктрине человеческой основы цивилизации.

Раздел 1. Палеозавр

Глава 1. Нововведение

Шел век двадцатый до нашей эры. Они становились все ближе и ближе к тому огромному зеленому шару, который воскрешал уверенность в том, что все-таки существует и будет существовать эра космического поколения пришельцев.

Эпоха стадности и эпоха кроважадного повествования исходной человеческой цивилизации только начиналась.

Земля, как окрестили ее сами первопроходцы, вращалась перед глазами, словно какое-то чудо без континентов и без какого-то намека на водную простирающуюся гладь.

Но вот, окна иллюминатора заслонила огромная водянистая серо-голубая масса, и видение исчезло.

Началась тряска. Сильное вибрационно-непроходное поле магнетической неустойчивости Земли не давало возможности войти в ее первородную структурную массу.

Огромное давление, шедшее снаружи, выдавливало на щитках приборов огневую иллюминацию, отчего казалось, что находишься не в звездолете, а в каком-то пустом, энергетически насыщенном мире.

– Шабаш, – проронил кто-то из экипажа, – на сегодня хватит. Мы не сможем преодолеть энергорост самой водной геоструктуры. Надо попытаться захватить с собой небольшое количество кристаллов из этой первосреды. Химик?.. Где ты там запропастился? Давай, начинай забор...

И тот, повинувшись команде командира корабля, двинулся было к основному люку.

– Не туда, черт тебя побери, – ругнулся Основной, – давай, с запасного и смотри мне там, не начуди.

– Обижаешь, командир, в первый раз что ли?

– В первый, не первый, какая разница, – не унимался Основной, – ты слушай, что тебе говорят. Ишь, умник нашелся. А в живом виде сгореть не хочешь?

– Ну-у, понеслось.., – снова ответил с сарказмом химик, – сейчас опять лекция и тому подобное...

– Ладно, – резко оборвал командир, – хватит болтать. Вибрация усиливается, ветер аномально растет. Так что, не затягивай визит. Что у нас с радиолокацией? Наши на связи? Радист, где ты там пропал?..

– Я здесь, – подплывал к нему очередной член экипажа, – с сожалением и великим прискорбием могу сообщить, что со входом в эту экстремально насыщенную зону связь исчезла...

– Что за глупые шутки, – прикричал на него старший, – давай, говори как положено.

– Я не вру, командир. Все так и есть. Связь исчезла, как только мы вошли в зону аномального риска.

– Так почему сразу не доложил? – задал вопрос Основной.

– Что я мог поделать, – успокоил его тот, к кому обращались, – время-то летит быстро. Пока я собрался сказать, мы пролетели целую уйму километров. Скорость-то, какая. Почти на уровне световой.

– А, черт, – снова ругнулся командир, – все время забываю об этом. Пилот, а, пилот, – обратился он к ведущему звездолет, – какая сейчас скорость или мы легли на баланс?

– Так точно, командир, – строго по-военному отвечал тот, – мы на балансе. Видите, даже огонь стало поменьше, – и он указал рукой на приборную доску.

– Хорошо, может это и к лучшему, – успокоился немного и сам командир.

Тогда их было семеро: борт-инженер, химик, геодезист, палеонтолог, пилот, навигационный штурман и, конечно же, командир. Хотели взять было и геобиолога, но в последний момент Старший отменил его вылет.

– Что ему там делать, – говорил он, – вы и сами справитесь. Возьмите пробы, попробуйте грунт, окружающее. Но скафандры не снимайте. Это опасно. Еще привезете чего-нибудь...

Вот так просто, совсем по-человечески, и была отправлена первая экспедиция на новом, только испытанном звездолете «Альфа-Светоцентавр-2».

Мы не будем описывать подробности этого перелета, ибо это заняло бы слишком много времени, а расскажем только о том, что видели и что ощутили те самые первые в первые же минуты посещения инородного поля созвездия.

– Альфа, Альфа, – продолжал вторить монотонный голос радиста, – я Земля, я Земля, как меня слышите, прием, прием... Ничего, – объявил он экипажу и устало отбросил наушники в сторону.

Пот струился по его лицу, а под глазами образовались небольшие круги, которые по мере приближения к самой Земле становились темнее.

– Глупо все это, – проронил устало все тот же радист, которого звали Августом, – на кой нам понадобилась эта Земля. Есть же и поближе и уже более одареннее, чем эта планета.

– А откуда ты знаешь, что здесь не одареннее? – спросил его командир.

– Так, думаю просто, – спокойно ответил радист, – может чувствую, черт его знает.

– Да – а, – так же устало согласился и пилот, который к этому времени перевел корабль в режим автоматического управления, – и что мы здесь забыли? Вечно эти Старшие что-то хотят узнать. Сколько пройдено таких вот малых и больших созвездий. Неужто, нельзя остановиться в выборе?..

– Значит, нельзя, – успокоил всех командир, – да, и зачем обсуждать чужие проблемы. Наше дело – вот оно, перед нами, – и он указал кивком головы в сторону иллюминатора, где после очередного полива густой серо-водянистой массой, красовалась сама планета.

Все перевели взгляд туда, а кое-кто даже выдохнул:

– Да – а, когда – то наверное, и у нас было то же. Но, увы, на сегодня не осталось и следа.

– Почему, не осталось, а пыль от распада? – попробовал пошутить еще один член экипажа корабля.

– Ну, ладно вам, – устало обронил командир, – нашли, еще о чем вспоминать, давайте лучше подумаем, какие меры предосторожности предпримем при посадке. Ожидать можно все, что угодно.

– Даже хищников? – удивился вновь назначенный к ним бортинженер.

– А как же, без них не обойтись, – строго подчеркнул командир и следом добавил, – да, нам-то их нечего бояться. Надо просто подумать о тех, кто там пока растет.

– Интересно, что нас ожидает? Какая форма их головы? – поинтересовался снова бортинженер.

– Да уж не такая, как у нас, это точно, – как-то очень даже загадочно и довольно точно определил командир, – ну ладно, давайте отдыхать. Через шесть с половиной часов подъем и будем настраиваться на их радиоволну. Химик, ты изотопы проследил?

– Да, командир. Все в порядке. Гелий отсутствует. Разложение аномальное, первосреда стерильна, но заражение все же возможно. Слишком много гектоскоплений.

– А что, элементарная часть еще не выведена наружу?

– Наверное, нет. Биоанализ отсутствует. Значит, основная единица вне распада.

– Тем хуже для них, – хмуро ответил командир и попытался хоть как-то улечься в своем откидном кресле, к которому приторачивались ремни для того, чтобы сохранять нормальное положение во сне, а не летать вверх ногами или как-то еще.

Они намеренно выключили свой электромагнитный источник питания, чтобы немного побыть в таком расслабленном положении.

Перед нововнедрением это даже полезно. Все структуры тела подвергаются самопроизвольному выносу в кровь эррогирующих веществ и способствуют внутреннему обогащению мозговых клеток.

Прошла ночь, если так можно выразиться и назвать часть мимолетного отдыха первопроходцев в открытом пространстве.

Где-то вдалеке сверкали еще какие-то звезды, но на звездолете знали, что их истинный объект совсем рядом. Голос командира заставил поднять головы всех.

– Внимание всему экипажу. Приготовиться к высадке. Подлетное время – два часа пятнадцать минут. Но, возможно, это произойдет и раньше. Полная герметизация. Всем приготовить скафандры. Садиться будем на возвышенность. Для этого выбрать точку подлета и обследовать площадку для высадки радиоманитным излучателем.

Всем приготовить оружие. Брать только светоогневую гамму. Будьте осторожны. На борту остается бортинженер и держит с нами связь по запасному радиоканалу. В случае неопределенности или опасности – немедленно взлет. Остальные члены экипажа вместе со мной на исследования. Пробы уже известны. Опасайтесь смертоносных укусов змей и прочей ползучести. С великанами разговаривать будем очень просто. Огонь только на поражение. Без надобности не входить в какие-либо контакты. Соблюдать спокойствие... Ну, вроде бы все сказал, – завершил, наконец, свою речь Основной.

– Как быть в случае удаления от поверхности? – уточнил бортинженер.

– Держи корабль на высоте возможности для наружного обзора.

– Есть, командир, – четко ответил тот и отправился к приборной доске.

Командир посмотрел за борт.

Земля нарастала и приближалась. Вскоре, цвета слились в единую зеленую с коричневым гамму, и они почувствовали, как внутри все перевернулось.

– Спокойно, – огласил бортинженер, – входим в зону экзотермальных дождей. Сейчас немного вывернет наизнанку. Потерпите...

Но вот, волнение внутри закончилось, и звездолет, выровнявшись, приобрел более устойчивое и нормальное положение.

– Фу – у, – выдохнул один из исследователей, – я уж думал, с ума сойду. Это притяжение...

– Ладно вам, – успокоил снова командир, – и не такое бывало. Давайте, за работу. Вскоре посадка. И без фокусов. Ты меня понял, Август?

– Да, командир, – весело улыбнулся побледневшим лицом тот, – все будет, как дома, – и он поднял вверх руку, пальцами изображая что-то вроде нуля.

– Смотри мне, – пригрозил снова Основной, – подведешь, больше в полет не возьму.

Все переглянулись и немного затихли. Для настоящего исследователя это было равносильно насильственной смерти.

Потому, одевались, молча, все так же тревожно поглядывая на Основного.

– Да, ладно, вам. Расслабьтесь, – немного улыбнулся тот, – это я так, для страха, чтоб не бесновались там, внизу, – и он указал рукой на приближающуюся планету.

Экипаж облегченно вздохнул, а радист про себя подумал:

– Ну, и шутки у тебя, командир. Так ведь и помереть можно.

Прошло два часа. Место было выбрано несколько высоковатое для спуска, но с точки зрения безопасности – вполне оправданное.

– Включай световую гамму, – скомандовал командир, – и включи нагнетатели, пусть очистят зону посадки.

Корабль завис в воздухе, а мощные моторы обдували поверхность снижения.

– Достаточно, – снова сказал тот же голос, – стыкуемся. Все готовы? – спросил он, пользуясь внутренней радиосетью и обращившись к экипажу, уже одетому в скафандры.

Все пятеро подняли руки, показывая свою готовность.

– Тогда, в отсек стыковки, – скомандовал Основной и зашагал первым в его направлении.

Экипаж последовал за ним. Август, немного задержавшись, наклонился к бортиженеру и тихо сказал:

– Если будут инопланетянки – тебе первая, – и засмеялся, дружески похлопав его по плечу.

– А я не нуждаюсь в них, – очень серьезно ответил тот, устремляя свой взгляд на приборную доску.

– Ну, и напрасно, – снова засмеялся радист и побежал догонять остальных.

Земля встретила их радостно и тепло. И хотя в скафандрах были включены кондиционеры, регулирующие температуру внутри, все же было немного жарковато.

Место, где они состыковались, было сильно заросшим огромными, бамбукового типа деревьями и переплетено густой сетью лиан.

– Ментодрой, – скупой отозвался командир, обводя рукой стороны.

На чем они стояли было пока не понятно, и лишь присев, и осмотрев тщательно, тот же голос произнес:

– Период полувеккового распада. Земля окружена метеоритным слоем пыли. Вскоре надо ожидать перенасыщение абсолютным тепловым фронтом. Химик, радиометрический замер.

– Сейчас сделаю, командир, – раздался голос в наушниках и спустя секунду произнес, – фон сильнее обычного. Радио насыщаемость увеличена. Наверное, мы находимся в зоне радиоактивного излучения. Скорее всего, под нами недавно ушедший вглубь метеорит.

– Да, скорее всего, так и есть, – ответил командир, ощупывая своей перчаткой грунтовую поверхность.

– Осторожно, командир. Там могут быть змеи, – предупредил чей-то голос.

– Хорошо, хорошо, знаю, – успокоил их тот и встал, как и все, на ноги, – насколько я понимаю, наши передвижения здесь ничего не дадут. Мы просто не сможем двигаться. Надо изменить место высадки. Возвращаемся внутрь, – и он указал рукой в направлении корабля, стоявшего совсем

рядом.

– Ну, что ж, первый блин всегда комом, – пошутил Август, проходя мимо командира.

– Это уж точно, – согласился Э-Клерк – так звали самого Основного, – ничего не поделаешь, придется снижаться, – и люк звездолета автоматически за ним закрылся.

Корабль снова взлетел в небо и, мягко передвигаясь над самой поверхностью, искал снижения. Наконец, они нашли более-менее подходящее место, и командир дал команду на посадку.

Поверхность была немного разрежена относительно растительности, и это давало возможность хоть как-то продвигаться.

– Вы обратили внимание, что за пятнадцать минут полета мы не обнаружили ни одного живого существа, – скорбно произнес командир, – что-то не нравится мне все это. Может, радиоактив сильно изобилирует? Химик, сделай пробу, не выходя.

– Хорошо, командир.

Спустя пять минут результат был готов.

– Ну и что там? – спросил Основной.

– Это уму непостижимо. За бортом сорок градусов жары, а радиоактивность 0,0017

– Что? Меньше единицы? – удивился Э-Клерк, – тогда не удивительно, но что это? – и он указал рукой на приборную доску, которая сигнализировала об опасности, – черт возьми,

немедленно взлет. Под нами разрежение, выброс вулканической массы. Не удивительно, что все живое покинуло этот район.

И снова корабль взмыл в небо, да так быстро, что все даже попадали на пол.

– Да, тише ты, – упрекнул командир бортинженера, – время еще много до взрыва. Как минимум часа два.

– Извините, командир, – слишком резко было сказано об этом.

– Ладно, забыли. Значит, так. Поднимаемся на высоту до пяти километров, и с этой точки будем наблюдать за происходящим. Попробуем определить время роста самой планеты. Химик, ты готов к забору окружающей среды?

– Да, как и всегда.

– Тогда, хорошо. Всем занять свои места, будем ждать.

В беспокойном ожидании прошло еще два часа.

Наконец, грунтовая поверхность разверзлась под ними, и вверх взмыл огромный фонтан какой-то жидкости мутновато-грязного цвета.

– Первая проба, – скомандовал Основной, и химик занялся своими непосредственными обязанностями.

Вслед за выбросом жидкости начала выходить довольно густая серая масса клубящегося дыма,

– Проба номер два, – вновь произнес тот же голос.

Прошло еще около двух часов, когда, наконец, почувствовалось жаркое дыхание планеты.

Наружу взлетела огромная, оранжевая по окрасу масса раскалившегося внутреннего слоя энергии ядра.

– Проба номер три, – как-то устало зазвучал голос командира, – бортинженер, небольшое снижение, но будь осторожен. Это несколько опасно. Мы пока не знаем давления коры.

Корабль начал снижение, забирая немного в сторону от фонтана раскалившейся массы, которая разливалась в стороны и текла густо по поверхности, сжигая все живое на своем пути.

– Ниже, еще немного ниже, – говорил и командовал Основной, – так, хорошо, держи корабль на этой высоте.

– А не опасно? – задал вопрос бортинженер Вейс.

– Конечно, опасно, – согласился вслушивающийся в разговор радист, – но, что поделать, когда проба номер три требует такого весьма неуравновешенного подхода.

– Послушай, Август, помолчи, ради всего живого, – обозлился командир, – сейчас не до шуток...

И вправду, звездолет находился всего лишь в нескольких сотнях метров от беснующейся массы раскаленного сплава. Ближе подойти было просто опасно. Температура усиливалась, о чем свидетельствовали приборы и светомигающая иллюминация.

– Стоп, – неожиданно резко скомандовал Основной, – химик, проба.

– Есть, проба, – сосредоточенно и очень серьезно отвечал тот, колдуя над своими приборами и механизмами.

Наконец, остаточное силовое поле было замерено, и корабль потихоньку отошел в сторону от центроизвержения глубинной массы.

Все облегченно вздохнули.

– Послушай, командир, – неожиданно обратился к Основному бортинженер, а нужно ли было так рисковать? Мы что, не могли обождать, пока все это стихнет? – и он указал рукой вниз.

– Значит, не могли, – спокойно, без тени какого-либо упрека в его адрес отвечал Э-Клерк.

В ответ Вейс только пожал плечами и недоуменно обвел взглядом остальных.

Все молчали, и лишь Август заметил:

– Знаешь, парень. Я тебе вот, что скажу. Силен не тот, кто только думает о своем, а еще и тот, кто заботится о других. Надеюсь, ты меня поймешь правильно.

Вейс сильно покраснел, но все же ответил:

– Я не думаю, что сильно гожусь в трусы, но думаю, что справлюсь с этим как-нибудь сам, – и отвернулся к своему блоку управления.

Командир поднял руку и, обводя всех суровым взглядом, сказал:

– Я хочу, чтобы вы все, ребята, поняли. От нас зависит сейчас многое. Мы многое пережили в прошлом и зачем повторять недотепство наших предков. Есть ум, и надо им пользоваться так, чтобы потом не укорять себя за тщедушие. Умрем – что ж, другие поймут и исследуют за нас. Но если сделаем неправильный вывод – это уже катастрофа. Такого я себе на корабле не допущу. Думаю, это понятно всем. А, теперь, все. Хватит болтаться без дела. Химик, анализ через пятнадцать минут мне на стол. Понятно?

– Есть, командир.

– Бортинженер, выйти на уровень базисного нуля. Организовать замеры и пополнить при необходимости топливные отсеки. Радист, попробуй перейти на микродинамическую частоту, используй тепловибрационное поле самой системы. После, доложишь. Палеонтолог, подключись к химику. Анализ также мне на стол через пятнадцать минут. Геодезист, попробуй по наружному ландшафту определить схему опережения целевых потоков и составь примерную схему полевых изотопных соединений. Все, по местам, и за работу. Я у себя.

Отдав распоряжения, командир удалился к себе в отсек.

Предстояло много работы. И, хотя по поверхностным наблюдениям окончательного решения принять было нельзя, все же кое-какие выводы сделать можно.

В ожидании донесений, Основной достал бортовой журнал и сделал краткую запись.

«Пробы № 1, 2, 3 усовершенствованы. Документы в обработке. Корабль не разблокирован. Сейсמודинамика отсутствует».

После этого всего, поставив число, дату и подпись, Основной расслабленно откинулся на спинку бокового кресла и на минуту закрыл глаза.

«Да – а, – думалось ему в ту минуту, – сколько еще вот таких непаханых планет придется пройти, прежде чем они все перевезут основное оборудование и вывезут всю работоспособную часть населения. На это понадобятся годы и годы. Сам он успеет ли? Время ведь идет, не останавливается. Правда, в полетах они стареют меньше, чем там, дома. Скольких он уже позабыл. Скольким покрыл траурной нитью глаза. Эх, судьба. И кто все это только выдумал? Космос? Кто-то ведь придумал это слово. Но кто? Пока не встречал. Это не первая система, открытая им. Были и другие, но, к сожалению, картина примерно одинакова. Все на уровне ментозоя или протозоя. Разумных существ нет. Конечно, живое есть, но это не то. А, может, это и к лучшему. Кто знает, как бы они себя повели, если бы увидели других, подобных себе. Пусть, немного другого окраса, немножечко иных форм и структур тела, но все же подобных. Неужто, мы так никогда и не встретим? А, может, в этом и заключается весь смысл нашего существования? Может, есть какие другие формы жизни? Кто его знает. Может, это так и есть. Но нам надо пока думать о живых. О тех, кто остался на их далекой планете, которой исполнилось не так давно 8,5 тыс. лет. Задача, поставленная Старшим, была предельно ясна. Добиться наилучших исследовательских результатов и способствовать развитию микроорганического слоя той планета, на которую они прибудут. Да, но это так, внешне, в приказном порядке. А внутри? Что делать? Какое решение принять? Здесь никто подсказывать не будет...»

Мысли прервались, так как на стол по очереди начали ложиться документы, обработанные их бортовым компьютером.

Итак, картина прояснялась. По только что произведенным замерам было понятно, что планете самое большое от силы 5,5 тыс. лет с момента формирования ее основного ядра. Значит, формирование цитоплазменного состава грунтового и поверхностного слоя только нача-

лось. Из этого общего числа надо было откинуть еще 3 000 лет на само образование светотермической массы и обрастание ее сверхпородистым составом пролетающих мимо небесных тел. Итого, получалось, что живому около 2 500 тыс.

лет, а значит, первозданность планеты гарантирована. Массу замерять было бессмысленно, ибо она пока ничего не даст. Идет процентное сложение зон риска самого ядра и верхнемеханического слоя. Вывод напрашивается сам собой: планета непригодна для обрастания силой нового порядка, но вполне способна приютить их небольшой численный состав.

Но, это пока внешние выводы. Необходимо сложить карту планеты и истребовать наружу все заложенные в нее запасы, которые только входили в состав основной грунтовой подвязки. На это, конечно, потребуется время, кое-какие усилия с их стороны. Кроме этого, надо определить зону бактериального риска и способа реомуляции их самих в определенных жизненных ситуациях. А это обозначало лишь одно – подвергнуть чью-то жизнь опасности, исход которой вполне может быть смерть. Но и это еще не все. Надо определить источники радиозаражения и попробовать усмирить некоторые особо активные зоны. Надо исчислить количество уже вложенных ископаемых, надо отделить вирусоносители от внешней загрязненности. И, в конце концов, надо разблокировать полюса. Жизнь без воды скоротечна и пуста. Впрочем, работы уйма.

– Может, вызвать подмогу, – подумал было Основной, – но, когда она прибудет? Лет через десять-пятнадцать, смотря, как они пройдут зоны вихревых очагов. Не снесет ли их в стороны. От этого и будет зависеть протяженность полета. Пожалуй, я сделаю так, – решил про себя командир, – если удастся добиться связи, то подмогу пусть шлют, а мы пока здесь хорошо поработаем. Маловато нас, конечно, но что поделаешь – сколько есть».

Приняв такое решение, Э-Клерк встал со своего удобного кресла и продефилировал в кают-компанию корабля. Все уже ждали его решения или, как мрачно шутил Август, его приговора.

– Остаемся здесь, – кратко и четко произнес командир, – что со связью? – обратился он к навигационному инженеру.

– Пока ничего, – тот отрицательно покачал головой, – но я запустил бегущую волну. Может, она все же достанет?

– Хорошо, – кивнул командир и, обращаясь к бортиженеру, сказал, – выходим в зону риска, но сначала сделаем облет полюсов по траектории. Включить все приборы, снимающие радиоактивное излучение, зафиксировать на модуле все поверхностные ландшафты. Место стыковки я выберу после просмотра. Всем занять свои рабочие места.

Экипаж разошелся по своим полагающимся местам, и в кают-компании стало тихо. Ровно гудели моторы, шумели кондиционеры, собирая небольшую влагу помещения.

Э-Клерк прошелся то в одну, то в другую сторону. Что-то мешало ему принять какое-то окончательное решение.

Но вот, наконец, мысленно освободившись от чего-то, он все же решился и тихо произнес:

– Ну, что ж. Коль выпала мне такая честь, буду исследовать. Все бывает, но упускать такое нельзя. Это было бы просто преступлением перед собой, перед оставшимися и даже перед теми, кто только-только видимо начинает свой путь развития. Не умрем ведь здесь, – успокоил он сам себя и шагнул за отсек кают-компании.

Дверь автоматически за ним закрылась, и в коридоре борта звездолета послышались четкие, чисто мужские шаги.

Это были шаги тех, кто первым присоединился к земному ландшафту, даже не пытаясь его завоевать у кого-то другого или, вообще, отобрать.

Это были первые шаги и уже по Земле, еще не остывшей от только что произведенного внутреннего взрыва.

И это были шаги первопроходцев, пожелавших добровольно совершить то, что, казалось бы, на первый взгляд, просто сумасбродство.

Но так было и нельзя отрицать этого, ибо была Земля, и было на ней то, что только потом, спустя еще многие века, стало называться человеком.

Но тогда, это было всего лишь нормальность. Даже можно сказать, парадоксическая уверенность разума свыше над простой обычной средой рассредоточения.

Но кому-то ведь надо было все это делать и формировать, и кто-то все же решился, придя на помощь.

И не только себе, и таким же, ибо они все-таки могли большее. Они захотели помочь тем, кто когда-то потом поступит так же, ибо пока будет существовать космос, до тех пор будет существовать и это.

Закон термического облагораживания – вот, что действует в этой ситуации.

Но нельзя скрывать и то, что факт был такой же явью, как в свое время само рождение планеты. В это трудно сейчас поверить и, наверное, можно было бы понять любого, кто способен отрицать. Но, в то же время, нельзя не понять того, что досталось в наследство от старого мира и опустевшего пустотелого ядра самой Земли.

Решиться – дело не простое. Решиться – значит, взять на себя какую-то ответственность.

Это и движет прогресс, даже в самом экстремальном его восприятии.

Выбор был сделан, и корабль уходил в сторону, но совсем недалеко, и это было понятно.

Земля их манила и уже окружала своей теплотой. Но для того, чтобы понять это – нужно время, которого, как всегда, недостает.

Но им все же хватило того немногого, и спустя несколько дней, они возвращались обратно: счастливые и усталые, радостные и одновременно злые, но не на саму Землю, а на самих себя.

Слишком много пока было удальства и мало достопочтимых званий.

Но дело было сделано, и уже гудел материк от набегавшей синей волны, обрушающейся с его полюсов, и уже образовывались первые закоренелые ландшафты.

Но, то было только начало.

Время еще не пришло для совершенства своей базы познаний, а потому, люди еще оставались глубоко в недрах Земли.

Но планета ждала и с надеждой провожала первых ее посетителей, которые обещали ей непременно вернуться и довершить начатое.

Но придут ли они? Или придут другие? Время покажет.

Но первые – будут всегда первыми. И никто не способен опровергнуть это.

– Да, будет Земля, – так сказал один из них, и эхо вознесло его голос вдвойне.

Так оно и осталось звучать до сих пор в самой глубине ее широт, но почему-то те, кто сейчас живет, этого просто не слышат.

Но, впрочем, все по порядку. И сначала, все же о днях...

Глава 2. День первый

Утро началось, как обычно, по рабочему и с делового рационального предложения.

Основной снова собрал всех в кают-компании и, вычисляя траекторию полета, произнес:

– Я думаю, что мы поступим следующим образом. Надо облететь вокруг этого шара несколько раз и очень точно соизмерить геометрическую диоптрию векового дня. Нужно образовать сменную деталь времени. Для этого – вооружиться приборами и составить дополнительный анализ рентодоксации излучения основного элемента защиты поля радиолокации планеты. Далее. Навигационному инженеру, необходимо внести свой, дополняющий общую структуру сигнала уровень рассредоточения радиоволны. Попробовать нововвести изолирующую массу антисептических веществ и дезодорировать самоструктуру наведения общего сигнала. Все. Всем остальным строго по элементарному узловому механизму и за работу.

На этом краткое совещание закончилось, и все потянулись к выходу, за исключением самого командира, который на время задержался возле параметрической доски.

– Что-то здесь мне явно указывает на то, что особых изменений не потребуется, – тихо говорил он, тыча пальцем и постукивая им по одному и тому же месту на доске, – ладно, посмотрим, – и, оторвавшись, он вышел вслед за остальными.

Звездолет обошел Землю несколько раз. Все параметры перепроверялись бортовым компьютером. Лишь одно оставалось пока неизвестным – угол подачи радиоактивности открытого космического воздействия. Но и здесь нашелся выход.

Бортинженер развернул корабль так, чтобы часть попадаемых на него лучей фокусировалась на радиолинейной антенне, и в течении нескольких секунд дело было сделано.

Вращаясь, антенна набирала в себя до 100 радиорылейных единиц, что обозначало: поток радиодиагностов составляет около 25-26 кг/м³ длины. Вычислить градус подъема не составляло труда.

– Итак, – продолжил Основной после очередного замера и общего анализа ситуации, – начинаем эквивалент 2, что обозначает следующее: бортинженеру передать управление кораблем непосредственно пилоту и взяться за свою работу. Радисту попытаться выйти на связь снова. Химику – определить радиоизвестковую группу сосредоточения по наносному грунту вулканической среды. Пилоту – вести корабль в сторону вчерашнего выноса массы. Палеонтологу – пока отдыхать. Все. За работу.

И снова корабль пошел вокруг планеты, опускаясь все ниже и ниже к месту, указанному командиром. Наконец, цель была достигнута, и звездолет решительно застыл над центром выноса вулканической массы.

– Давай, поближе, – скомандовал Вейс и опустил сам ручку энергозабора. Сработали мощные генераторы, и ток, пущенный с борта, выбил наружу огромную струю вулканического порошка.

– Захват, – быстро раздалась следующая команда, и корабль почти втянул в себя часть этого поверхностного слоя.

– Сброс, – снова прозвучала команда, и генераторы отключились.

– Мне нужно время на обработку, – сухо сказал Вейс и удалился в свой отсек.

– Хорошо, – кивнул командир, садясь в свое законное кресло.

В томительных минутах ожидания шло время. Все молчали. Анализ должен был показать, насколько пригодна масса к рудопоточному сложению.

Наконец, спустя минут тридцать, результаты были возложены на стол. Основной тщательно пересмотрел материал и удовлетворенно сказал:

– Очень хорошо. Можем начинать ревансипацию основных слоев и накопительных элементов. Внимание, всем приготовиться к посадке. Пилоту вести корабль к месту, указанному на параметрической сигнальной доске. Освободите компьютер от занимаемой ячейки блока памяти. Вложите систему «Эйс». Программа на опережение. Подготовить все бортовые механизмы. Используем Альфа-2 и Омега-4. Все. В действие.

И снова зашумели дополнительные моторы и включились робототехнические средства, которыми был весьма тщательно укомплектован звездолет.

– Внимание, внимание, – раздался голос бортового компьютера, – внешняя разгерметизация, всем одеть бортовое снаряжение.

Командир спокойно выключил кнопку автоматического управления системами и сказал:

– Работать будем без автомата. Одевайтесь и слушайте связь.

Спустя десять минут звездолет опустился в точно указанном месте и мягко соприкоснулся с Землей.

Все вышли наружу.

Небольшая поляна, сплошь усеянная какой-то дикой растительностью в виде игольчатой травы, давала возможность обширного исследования.

– Осторожно продвигайтесь. Могут быть и хищники, – раздался голос командира, и все дружно закивали головами.

Работы предстояло много. Необходимо было обработать целую серию грунтовых слоев и по каждому произвести анализ.

Для этого потребовалась машина землеройного типа и насосонагнетающий водомет, способный доставать из глубины необходимые исследуемые частицы.

Спустя некоторое время работа закипела в полную силу. Издали все это смахивало на какие-то геологические раскопки. От самого грунта поминутно исходил пар и порошкообразная масса очень быстро превращалась в обычную липкую грязь, но, правда, так же быстро и высыхала, образуя на обуви какие-то желто-коричневые полосы и небольшие кусочки соединившейся грязи, которые тут же рассыпались, превращаясь обратно в пыль.

Этот процесс шел постоянно, и создавалось впечатление, будто грунт дышал огромной своей массой, отчего становилось как-то неприятно и сиротливо.

Деревья и не очень большие кустарники, окружавшие поляну, были сплошь усеяны такими же иголками, как и сама трава. Стволы имели шероховатую поверхность и строго ярко-коричневый окрас.

Ни одного живого существа нигде видно не было.

Работа уже подходила к концу, когда вдруг бортинженер заметил в грунте какую-то небольшую вязкую массу в виде грунтового известняка.

– Стоп, – почти крикнул он, и все сразу остановились.

– Что случилось? – встревожено спросил командир.

– Видите, – указал Вейс на обнаруженную находку.

– Ага, – довольно потер руки Э-Клерк, – значит, все же что-то уже пытается выйти наружу. Это хорошо. Нам меньше работы. Возьмите аккуратно на исследования. Попробуем определить его первоструктуру по цепному детектору.

Они достали часть извлеченного материала и аккуратно вложили в герметическую коробочку, переправляя потом внутрь звездолета.

– Смотрите внимательно, – распорядился Основной, – может, попадется что еще, – и отошел в сторону к своему участку работы.

Спустя еще полчаса геологические раскопки закончились. Так больше ничего и не обнаружив, экипаж быстро собрал все свое снаряжение и возвратился обратно внутрь корабля.

Немедленно последовала команда «взлет», и звездолет оторвался от поверхности, удаляясь на почтительное расстояние.

Был объявлен часовой перерыв, во время которого приборы исследовали загруженный в них материал.

Каждый погрузился в свои мысли и как бы застыл в ожидании результата.

Но вот, перерыв закончился, и работа возобновилась снова.

Предварительное заключение показывало, что грунтовая верхняя зона сильно осложнена радиоактивными частицами, отчего выход наружу любых сероводянистых веществ был очень затруднен.

Судя по всему, на планете не было ничего животворящего, ибо нижняя грунтовая укладка не давала полноты объема загруженности живой энергетической тканью.

Итак, вывод:

Земля не обетована, в ней нет ничего животворящего, микроорганизмы отсутствуют, за исключением микробиологического известнякового типа моллюска. Судя по верхней части грунтово-порошковой массы, абтерогенные зоны энергетической раскрутки ядра сильно закупорены густой массой нерассосавшихся метеоритов.

Возраст планеты составляет 2487 лет с момента затяжки основного центроспирического сигнала открытой космической среды. Альфа-подача отсутствует.

Бетта-излучение дисгармонировано, обратимость разрушена, поля радиолокации не наблюдаются.

Трансмиссия ядра в широком поле применения. Судя по анализу слоев, первичная масса сильно расжижена, что дает основания полагать: верхняя среда рассредоточения основных элементарных единиц еще не обнаружена. Система противоядерной активности находится в стадии резозоляции. Ингалятивная спекулятивная мощь грунта не способствует развитию микродионов. Необходимо произвести внешнее раскупоривание стереосреды. Анализ известнякового типа моллюска показывает, что Земля снабжена особым, откровенно чистым спервопунциальным видом образования живых существ. Начало обработки химическим дизэквивалентом дополняет вышеуказанное. Отверстия, проделанные роботомонтажным механизмом, очень скоро заполняются сжиженно-густотелой массой.

Отсюда, заключение:

необходимо внедрить в систему водоэнергоснабжения наружные и скрытые внутренние энергоотводящие пути. Необходимо усмирение самого ядра путем рассредоточения силы векового распада энергетического тепла. Увеличение градуса подъема верхней атоматической напряженности допустимо в предельных нормах.

Конкретные предлагаемые меры:

– снабдить основной механизм радиоблокирования центра тяготения ослабленной зоной радиоактива, подключить сюда же центротермическую сеть внешнего давления;

– использовать кору, как материал сферического отяжеления и ниспадания центровращения самого ядра;

– усилить вертикально проводную центросферическую связь между самим энерговыводимым потоком и между верхней средой жизнеобеспечения;

– необходимо взаимораспределить между имеющимися геозаложениями верхнепроводных метеоритных слоев энергопоставляемость и не допустить радиолокацию самого ядра.

Заключение:

Земля пригодна к использованию как материковая, энергообтекаемая структура, но требует частично пропеллируемой дополнительной обработки.

Решение:

Команды:

«ввод дезодолятора»,

«исключение водного регатива»,

«самоизоляция верхнего массива»,

«репродуктив сверхизотопической массы».

Время ввода:

от 0 до 24 часов.

Краткая характеристика массы известнякового моллюска дает полноту масштаба всей операции.

После обработки данных и заключения в кают-компании наступило тягостное молчание. Все понимали, что сейчас необходимо принимать какое – то решение. И оно принадлежало всем членам экипажа.

Основной обвел глазами всех присутствующих и кратко произнес:

– Кто «за», прошу поднять руки вверх.

Сразу поднялось три руки, затем одна и через минуту – еще две. Осталось дело за самим командиром. Но он почему-то медлил.

Наконец, все же решившись на что-то, он так же поднял руку вверх.

– Ну, что ж, коль все согласны, то и я не буду против. Мнение коллектива – дороже всего. Теперь, самое основное. Приготовить две водородные изотопические массы, включая и поверхностную кристаллическую реголяцию верхнего массива. Ракетную установку снабдить термоядерным воспламенителем. Усилить боковой тропон самого борта. Герметизация в полном объеме с поочередным разрушением остаточного слоя на верхней доступной части корабля. Летим к югу по параметрической карте. Начинать будем оттуда. Взрыв водонаправляем. Ускоритель магнетический. Волна не должна превышать уровня синтетических масс. Турбинные агрегатные машины запустим по ходу взрыво-достижимых работ. Ведем наблюдение за качеством окружающей среды. Все. За работу.

Так кратко и очень по-простому и решилась судьба тогдашней планеты Земля, которая ни в коей мере не смогла бы дать свое истинное потомство за столь короткий жизненный срок.

Молодость планет исключает потомство. А их старость – препятствует этому процессу. Середина же – испытывается, ибо требует дополнительной разгрузки или, скажем прямо, помощи.

Но, как бы там не говорилось, дело было начато. И расконсервация началась.

Корабль совершил небольшую трансмиссионную посадку и выгрузил на планету достаточное количество агрегатов и средств, способствующих ускорению процесса водного распространения. Сильная закупоренность внутренних слоев требовала частичной проводимости, а потому, в действие были запущены акторегалаторы самой последней доусовершенствованной модели.

– Все по местам, – раздался голос по радиосвязи, – отходим, – и экипаж быстро убрался с места посадки, оставляя после себя всю массу необходимой аппаратуры.

Далее путь следовал к полюсу, обреченному, как и у всяких других планет к вечно тающей мерзлоте. Часть скопляемых льдов все время набирала массу и тут же кристаллизовалась, прибавляя в весе.

Другая же, та, которая ближе к среднему поясу планеты, постоянно подвергалась осушке, и в местах таких соединений постоянно шел пар, который, собственно говоря, и образовывал то густое серомолочное облако вокруг самой планеты, не дающее допроникать внутрь ее самой огненно-красным изотермическим лучам основного светила.

Льды и суша как-то уживались, делая картину планеты совершенно безрассудной или бессмысленной по своему рядовому содержанию. Но, что поделать, если космос творит такие чудеса, исследуемые уже потом на совершенно других планетах, хотя и очень-очень подобных.

Монолитность огромных застывших ледовых масс просто пугала. Вначале даже казалось, что эту громадину просто невозможно расшевелить.

Но это только казалось, ибо для настоящего первопроходца – то была просто обыденная работа, подтверждающая его достойное звание.

Корабль не садился, а, наоборот, опустив на поверхность достаточное количество взрывчатого вещества, взмыл вверх и остановился где-то километрах в двадцати пяти с обратной стороны.

– Выпускаем первую ракету, – кратко командовал Основной, – цель перед нами на параметрической доске. Огонь.

Корабль немного содрогнулся от резкого отрыва одного из подвесных сооружений, но спустя секунду принял устойчивое положение.

– Цель поражена, – кратко доложил бортинженер, наблюдая по своему монитору траекторию полета.

– Хорошо, – ответил командир, – взлет на обеспеченную полосу отвода.

– Есть взлет, – кратко ответил пилот, и корабль вновь взмыл вверх, оставляя под собой какой-то ледовый участок Земли.

А внизу, там, куда угодила ракета, шла настоящая война. Лед крушился, ломался и, взмывая в воздух, распадался на кусочки, превращаясь потом на своем ходу в обычную пыль и затем в водяную массу.

Мгла устлала часть ледового покрова. Пришлось ожидать, пока уляжется первое парное облако.

На это ушло два с лишним часа. Наконец, картина прояснилась, и за бортом стало видно, как побежал первый ручей по огромному материковому льду.

И это было только начало.

– Ура, – хотелось вскричать Основному, да и остальным также, но все сохранили достойное молчание и сопережили момент первой своей победы внутри.

– Хорошо, – наконец, выразил Основной свою благодарность экипажу, – заходим с обратной стороны. Будем окольцовывать эту ледовую массу. Палеонтолог, обязательно включи в свою карту параметрические, символные знаки. Отчерти линию разлома. В конечном счете, это пригодится потом.

– Есть, командир, – четко ответил тот и приступил к работе.

С обратной стороны било проделано то же, и вскоре последовал очередной взрыв. Наблюдая за картиной происходящего, Август сказал:

– Если бы я знал, как рождается новая жизнь, то, наверное, никогда бы этого не делал.

– Почему? – изумился Вейс, на секунду отрываясь от своего монитора.

– Эх, тебе не понять, – взмахнул тот рукой, но все же продолжил, – куда ни посмотри – везде одно и то же. Лед и густая масса иголок. Откуда здесь взяться чему-то подобному нам или еще чему-то. Становится действительно страшно от этого. Как в такой ситуации может возникнуть жизнь?

– Ладно, не забивай голову пустяками, – отмахнулся Вейс и снова занялся своими делами.

– Это не пустяки, – скромно заметил командир, вовлекшись в их разговор, – это действительно страшно. Из моллюск – животворящее существо. А из него – что-то подобное нам самим. Это ведь не сказка, а научная связь веков.

– Да, – согласился Арт, ведущий корабль пилот, – мне приходилось многое видеть, но чтобы пытаться самому зародить что-то – этого, увы, не было.

– Ладно, поговорим потом, – кратко заметил Основной, – давайте менять место упругого взрыва.

И снова корабль уходил от Земли, оставляя за собой часть какого-то груза, принадлежащего только ему и больше никому другому.

И снова звучали взрывы, и падали на поверхность ракеты. Но этого еще было недостаточно, чтобы возродить эту искомую давно всеми жизнь. Потому, они трудились до конца своих сил, и вот, наконец, Основной объявил отдых.

– Все. На сегодня достаточно. Отдых и восстановление сил. Завтра продолжим. Дежурить буду я. Корабль в безопасной зоне. Постарайтесь хорошо отдохнуть.

Экипаж разошелся, а Э-Клерк, обложившись бумагами, занялся кое-какими расчетами.

Было произведено двенадцать взрывов, из которых три соответствовали обычному планетному извержению. То есть, сила встряски была примерно равна силе мощности самого ядра планеты.

Это давало некоторое преимущество в том, что на протяжении ближайших месяцев их работы, извержения не будут беспокоить. Ядро было успокоено. Конечно, не навечно, но им хватит.

Ледовая масса была расколота на две части по окружности. Одна из них так и оставалась застывшей, другая – понемногу отходила в сторону за счет огромной своей массы и обводнения ее краев. Вода в истоках взрывов достигала температуры кипения.

Это то и давало возможность отслоению огромного по своему масштабу ледового покрытия.

Но радоваться пока было рано. Пройдут годы и годы, пока эта часть полностью отойдет от материкового накопления и распространит водяную массу.

К тому же, необходимо сделать и основную реофронтацию, то есть возможность радиопыления грунтовых слоев за счет внутренних соединений или внутригрунтовых коммуникаций.

На это потребуются тоже время и опять взрывы, ибо от них сейчас зависело будущее всей живой укомплектованности планеты.

Основной знал, что мощные потоки бурлящей под ним воды к завтрашнему утру отнесут эти огромные льды километров на пять-шесть, что затруднит немного работу по отысканию следов их действия, но не это было самое страшное.

Пугало и озабочивало то, что до сих пор их связь не была налажена. Решение, принятое ими сегодня утром, было, конечно, правильным. Но согласятся ли там – дома, на это переселение или укажут на другие поиски – он не знал. Хотя, по его мнению, чего искать, если под ногами уже есть что-то.

И не беда, что нет чего-то особенного. Пока они сюда возвратятся вновь – жизнь немного завяжется и хоть чуток расцветет.

– Ну, да ладно, – тихо произнес он самому себе, – будет видно. Утро вечера мудренее. Хотя, какое к черту тут утро. Какие-то жалкие проблески оранжево-красного цвета. Вот, когда они доберутся до другого полюса, вот тогда и загорится настоящее утро.

Командир тяжело вздохнул, прикидывая на завтра объем работы и снова погрузился в расчеты.

Корабль стоял или висел, а время шло и работало уже на будущее поколение первопроходцев.

Экзотермическая зона сейчас обретала свою первоначальную уверенность, а грунтовые слои обретали первую свежесть наносного тепла. Вскоре должна была зародиться первая жизнь, но до этого предстояло еще очень многое.

Глава 3. День второй

Утро, если это было, вообще, утро, начиналось, как и всегда. Небольшая разминка, душ под обтекающими слоями воды, легкий космический завтрак и уборка всех помещений, занимаемых для отдыха. После всего этого, как и обычно, все собрались в кают-компанию,

– Хороший день, – поздоровались и одновременно пожелали члены экипажа друг другу и расселись в креслах вокруг небольшого округлого стола.

Командир, не спавший весь этот отрезок времени, взял слово.

– Сейчас, передислоцируем свои усилия на север-восток. Начнем с самой оконечности. Необходимо абсолютно отрезать материк от огромного количества ледовой массы. Взрывы будем проводить энергией верхнего порядка. Перемонтируйте блоки управления наземным оборудованием и обезопасьте себя лично от проникновения любого вида иммунопоглопителя. Взрывы назначаю на 12 часов по нашему расписанию. Все. Сейчас время на подготовку и транспортировку необходимого материала. Да, чуть не забыл, надо собрать абсолютные отсеки наших пусковых установок. Они там, внизу. Обнаружение и вытягивание будем производить электрошоковым дистибулятором. После этого, можно удаляться к северным широтам. Меня поднять за час до назначенного мною срока. Возлагаю это на тебя, Август. У тебя это очень хорошо получается.

– Есть, командир, – кратко ответил тот, кивком головы дополняя сказанное.

– Все. За работу и не забудьте выключить бортовую сигнализацию по уходу. Днем она не нужна.

Сказав это, Основной двинулся в свой отсек, а остальные принялись за дела.

Спустя три часа основные работы по подготовке были закончены, и Август подошел к командиру.

– Уже, – сонно произнес тот, едва-едва приоткрывая глаза.

– К сожалению, да, – с сочувствием произнес улыбающийся радист, понимая, как это тяжело встать с не отдохнувшей до конца головой.

– Хорошо, иди, я сейчас, – распорядился Э-Клерк, растягиваясь на своей постели, если так можно назвать то, где он отдыхал.

Август кивнул головой и вышел. Основной полежал еще минуты две, а затем, резко встряхнув головой, поднялся и встал.

– Да, трудный денек, – выговорил он, – но ничего, проживем и этот, – и Э-Клерк двинулся к своему умывальнику, располагающемуся рядом в соседнем отсеке.

– Командир, все готово к работе, – доложил бортинженер, находящийся у своего рабочего пульта.

– Хорошо, – ответил Э-Клерк, – давайте, подходите к месту первого испытания.

Звездолет немного накренился влево и ушел в сторону точки, намеченной на параметрической доске. Спустя несколько минут он уже был на месте.

– Ну что. С богом, как говорят, – улыбнулся Основной, вспоминая давно забытые ими слова, но все же остававшиеся, как какая-то традиционная уверенность в своей правоте.

– Пуск системы аэродинамического взлета, -

четко прозвучала команда.

– Есть, пуск системы аэродинамического взлета, – повторил голос бортинженера.

– Ввести данные в радиопеленговую сеть.

– Есть, ввести данные в радиопеленговую сеть, – сухо отозвался радист.

– Ввести диоптрическую единицу нормирования подачи траектории полета пусковой установки

- Есть, ввести диоптрическую единицу ПУ, – отвечал голос пилота.
- Слабое торможение пусковых механизмов.
- Есть, слабое торможение ПМ.
- Взвинчивание генератора до максимума напряжения...

Команды звучали одна за другой, отображаясь на действиях и лицах тех, кто в них принимал самое живое участие. Наконец от корабля отделилась несущая часть, и спустя несколько секунд последовал огромной силы взрыв. По крайней мере, так казалось со стороны звездолета.

Льды вздрогнули и обрушились сами на себя. Взрыв продержался несколько минут. Наконец, все стихло и улеглось. На месте образовалась огромная зияющая дыра, в которую стекала мутноватая жидкость.

- Ну, что ж, начало положено, – сухо сказал командир, – будем продолжать.

И они продолжили. Можно было бы сравнить этот процесс с обычной вспашкой какого-то участка поверхности с той лишь разницей, что вместо орудия пахоты использовалось оружие теплового взрыва, а вместо поверхности – гладь льдов и часть занимаемой парной территории деревьев и кустов.

Все поднималось вверх и исчезало в огромной по своему масштабу проделанной дыре. Но это никого не смущало. Было ясно и так, что это лишь небольшая часть обыденной протекающей работы тех, кто заставил планету впервые вздрогнуть от произведенного насилия с их стороны.

Так продолжалось до исхода настоящего дня. Наконец, опоясавшая полюс линия, отделявшая льды от непосредственно материкового грунта, была сделана, и все с облегчением вздохнули.

– Но этого мало, – с огорчением произнес командир, осматривал своих подопечных, – придется поработать вручную, – и он посмотрел еще раз на лица собравшихся в кают-компании.

Никто не проронил ни слова. Все понимали необходимость такого заключения, но все же неугомонный Август спросил:

- А нельзя ли перенести это дело на завтра?

– Почему же, можно, – ответил Основной, – только давайте сначала за оставшееся время выработаем план действий.

И все склонили головы над параметрической картой местности, как бы желая поближе рассмотреть свой участок работы на следующий день.

Спустя полчаса совещание было закончено, и состав экипажа разошелся по своим отсекам. Был назначен новый дежурный из числа не особо занятых в завтрашней операции.

Командир, мысленно освободившись от дел, облегченно вздохнул и, откинувшись на спинку кресла, закрыл на минуту глаза.

– Как хорошо, – думал он про себя, – вот так расслабиться и ни о чем не думать. Все-таки, как ни говори, а усталость и годы берут свое.

У него не было семьи где-то там на своей планете. У него не было какого-нибудь имущества или каких-то материальных ценностей.

Он сам по себе представлял и нес какую-то особую ценность. Ценился ум и рабочие качества, невзирая на что-то еще.

Даже эмоции выглядели вовсе безобидно. Да, и кому они были нужны.

Все прошедшее с ними ранее показывало, что живое умное существо не заслуживает недооценки своих усилий в области здравого смысла. А эмоции как раз и являются такой недооценкой...

Прошло два дня их безымянного участия в стратосфере другой, инородной по своему структурному составу планеты.

Что сделано и что не сделано – об этом судить им самим. Никто не торопил, никто не приказывал.

Но был ум или здравый смысл, который все-таки подгонял возродить самостоятельное живое. И это все понимали. Без слов, без каких-то уговоров. Молча, просто глядя друг другу в глаза. Мысли не требовали того скудного доктрического описания. Они пронеслись между обладателями умственных начал и простирались до самой последней молекулы в анатомической консервации тел.

Есть что, более совершенное, нежели это?

Вряд ли. Только Разум способен овладеть всем и разобрать по самым мельчайшим частицам все то, что его же окружает, подготавливает к чему-то и взаимобязывает к другому действию.

Командир потянулся в кресле, и сладостная истома наполнила ему грудь. Потянуло в сон, но он сдержал этот первый порыв и попробовал вспомнить что-то свое. Но, к удивлению, ничего не шло в голову.

Наверное, дело заставило отказаться от своего, и взять на вооружение чужое, инородное, но, в то же время, чем-то сходное пока по внешнему описанию и характеристикам теплоструктур. Наверное, именно оно и притягивало всех к себе самостоятельно и не давало уйти отсюда без какого-то определенного труда.

– На сегодня их труд был самозавершен, а завтра посмотрим, – так думал Основной, – сидя в кресле и все ближе и ближе склоняя голову к столу.

Наконец, она коснулась того, чего хотела достичь и успокоилась.

Командир уснул, так и не дойдя до своего места отдыха.

Что ж, его можно было понять. Вся сила сейчас уходила в недра практически необитаемой Земли. Она обретала свою часть, именуемую духом. Она сейчас пыталась зародить живое.

То самое, еще не прошедшее свой вековой исторический путь исступления. Но оно начиналось. Начиналось, благодаря тому единому духу всех, кто несмотря ни на что, решительно решил дать жизнь еще одному поколению космических пришельцев.

Искомое ниспадает в искомое. Такова мысль

тех, кто не упал лицом в грязь и не остановился перед дилеммой истории. Кто ниспослал сверху кому-то жизнь, и кто не был так падуч на драгоценность какого-то проблематического уровня материала.

Спал командир, и спал экипаж. А где-то там внутри, под наружным слоем льда, или поверхностного покрова, уже зарождалась новая жизнь, пытаясь войти в соединение с тем, что уже давно принадлежало ей самой, но пока его просто не доставало.

Сейчас же, оно бурлило и задышалось от растущего пара. И через час образовавшаяся зыбь уже стала гораздо больше, нежели ранее.

– Процесс пошел, – сухо и кратко отозвался пилот, наблюдавший за этим со стороны своего монитора.

Мертвое каким-то, по-своему немислимим образом превращалось в живое.

Так кратко и начиналась рождаться сама история предопределения чьей-то судьбы.

Часы отсчитывали минуты, а на Земле уже отсчитывались годы. Планета восставала из праха и пыталась воплотить саму себя в предвековую историю вечного лета дней. Но дело оставалось все же за ними.

Глава 4. День третий

Утро третьего дня наступило так же, как и все предыдущие. Ничего не менялось в их общем настроении и обусловленности жизненного образа действия.

Разве что мысли могли что-либо изменить в их суровых космических буднях. Кто не летал – тот не поймет этого. Даже моряку, оставаясь где-то далеко в море, гораздо проще, ибо он знает, что где-то там, за горизонтом есть берег.

Астрономическому исследователю этого права не было дано. Вокруг было то, что можно назвать бесконечным мертвым пространством.

Лишь изредка попадала хоть какая-то жизнь типа этой планеты, но это ничего не меняло.

Это не было домом или родным берегом. Может, в будущем, оно и стало бы таким, но не сразу и не сейчас.

Потому, каждый день встречался, как всегда и как обычно дома, ибо для них это и был настоящий дом.

– Хороший день, – произнес командир собравшимся в кают-компании.

Ему ответили тем же. Начинался еще один рабочий день, и нужно было его провести с максимальной отдачей силы ума, перелагаемой на собственные плечи каждого.

– Итак, – начал Э-Клерк, – мы проделали лишь небольшую часть необходимых мер. Под нами, – и он указал рукой куда-то вниз, – уже вовсю кипит работа. Но необходимо этому помочь. Надо ускорить процесс омывания образовавшихся береговых структур и усилить вибромеханическую проводимость недр Земли. Для этого, будем использовать механические передвижные робототехнические средства, предварительно усилив их воздействие располагающимся под нами ледовым покрытием. Для этого используем силу вибродинамического выноса энергии самой Земли. Приготовить усиливающие функционеры и расположить для нанесения меток на параметрической карте. Строго следовать моим указаниям. Экстремальная сила прироста должна составлять 5 % от общей массы планеты. Вам понятно?

Все закивали головами.

– Ну, когда ясно, то за работу. Да, чуть было, снова не упустил. Количество гироскопического заряда рассчитать на мощность самого поля созвездия. Извержение должно поднять вверх массу береговой кристаллической группы. Линия разделения сыграет роль своеобразного щита между накопительной массой выносимой наружу энергии и грунтоотвердевающей основой. Все. С богом и все по порядку. Не торопитесь.

Командир окончил совещание и отдачу распоряжений. Наклонившись над картой, он сделал пометку в одном месте.

– Здесь точка образования кристаллической пробоины. Начало в 11-20 по моему сигналу. Все, по местам.

Все разошлись, и кают-компания опустела.

Спустя минуту корабль начал снижение к южному фронту и, достигнув места, застыл, дружно работая своими моторами.

– Так, осмотрим, – проговорил командир и прошел в отсек управления кораблем.

Внизу расстиралась масса ледового океана в виде застывших льдов.

– Хорошо, – сказал он и похлопал по плечу бортинженера, сидевшего за пультом управления корабля, – даю установку, – обратился Основной ко всем по внутренней связи, – опустить механизмы внедрения и начать засверливание основного места закладки заряда. Будьте осторожны.

Корабль плавно снизился до максимального приближенного уровня стыковки с поверхностью, и на льды начало опускаться оборудование.

На наладку и само засверливание ушло около двух часов. Наконец, основное было сделано, и зарядное устройство ушло глубоко внутрь льдов.

– Все на борту, – прозвучала команда Основного, – поднять оборудование.

Работа снова закипела, и спустя полчаса воцарилась тишина.

– Все приведено в готовность, – доложил Э-Клерку геодезист Рун, – разрешите начинать?

– Минутку, – предупредил его Основной, проверяя свои расчеты, – угол опережения задействовали? – уточнил он у доложившего.

– Да, соответствует норме, – спокойно ответил тот.

– Хорошо, начинайте, но сначала взлет.

Звездолет сразу же оторвался от Земли и взмыл в небо, удаляясь на достаточно большое расстояние.

Сила взрыва должна была вызвать внутреннее задействие силы самого ядра. Именно направленный взрыв мог отобразить это в реальности. Любая неточность в расчетах могла привести к ненужному выбросу наружу где-то в другом месте.

Все напряженно ждали основной команды командира. Тот пока молчал, еще и еще раз проверяя свои расчеты. Наконец, оторвавшись от них, он решительно выдохнул:

– Огонь, – и его команда тут же разнеслась по составу.

Эхо грянуло вдвойне. Самого взрыва видно не было. Но зато было видно, как покачнулась огромная ледовая масса и на секунду застыла.

Прошло около пятнадцати минут. Эхо отобразило второй взрыв. Массы льда, коверкаясь и опережая друг друга, медленно, словно в замедленном темпе, поднимались вверх. Наконец, в небо поднялась огромная масса магматического происхождения и с жутким треском обрушилась на поверхность.

Корабль находился примерно в двухстах километрах от места выброса, но и здесь чувствовалось полыхание огнедышущей массы.

Картина мгновенно исчезла, так как огромное паровое облако заволочило земную поверхность. Нужно было ждать, когда все это закончится, чтобы повторить то же, только с другой стороны.

– Пока отдых, – кратко скомандовал Основной, устремляя свой взгляд все в ту же карту и уже рассчитывая в уме место для обратного взрыва.

Прошло около пяти часов. Густая пелена не спадала.

– Вот черт, – выругался командир, глядя на это в иллюминатор, – наверное, придется ожидать еще, – и он беспокойно заходил по отсеку, – Артур, – обратился командир к пилоту, – давай, попробуй обойти облако и зайди с другой стороны.

– Вряд ли, что из этого выйдет, – покачал головой пилот, но все же начал разворачивать звездолет.

– Посмотрим, – скупое отреагировал Э-Клерк, удаляясь на время в другой отсек.

Корабль усиленно заработал моторами, и вскоре почувствовалось все напряжение перемещения. Началась небольшая тряска.

– Зона динамического снижения, – кратко обрисовал ситуацию пилот, обращаясь ко всем по радио.

– Что там, еще не видно ничего? – обратился к нему Основной.

– Нет, пока густой туман. Придется входить в саму зону. Но это опасно.

– Хорошо, снижайся, – согласился Основной, – только убери скорость и попробуй разглядеть хоть что-то.

– Есть, командир, – ответил тот, и все почувствовали, как корабль резко пошел на снижение.

Прошло еще минут двадцать, прежде чем пилот объявил:

– Вижу поле льда. Огромные торосы. Посреди них вода, лужи. Есть и побольше: небольшие озера.

– Хорошо, снижайся ниже. Пролетим над ними и осмотрим.

Корабль пошел ровнее, и экипаж смог свободно перемещаться по звездолету. Основной зашел в отсек пилота, и сам начал осматривать местность.

– Всем собраться в кают-компанию, – сказал он после небольшого просмотра, – а ты пока веди корабль к условному месту противоположного взрыва, – похлопал он по плечу застывшего у своих приборов пилота

– Хорошо, – кивнул тот, выполняя порученное.

Командир открыл небольшое совещание.

– Что ж, могу вас всех немного порадовать. Первый взрыв превзошел все мои ожидания. Больше здесь не потребуется дополнительной воспламеняющей силы. Сейчас, основное, до наступления вечерних сумерек заложить второй заряд и получить сходный результат. На этом наша сегодняшняя миссия заканчивается. А завтра приступим к противоположному полюсу. Через пятнадцать минут выгружаемся. Всем понятно?

Экипаж, молча, кивнул головами и разошелся по местам.

Основной несколько устало присел в кресло.

– Да-а, – подумал он, – все время в напряжении. Будто ждешь чего-то такого особенного, а ведь реально ничего такого не происходит. Работа и все. Только в сказках дела вершатся очень быстро. А здесь море рутинной работы, – и Э-Клерк снова вздохнул, – да, если б знать, чем все это закончится. Так не доживу ведь. А может, – неожиданно возникла мысль, – и дотяну. Хоть краем уставшего глаза увижу, что тут проросло.

– Командир, мы на месте, – прозвучал голос в наушниках.

– Хорошо, иду, – ответил Основной, отрываясь от своего удобного во многих отношениях кресла.

Он прошел в отсек управления и занял место рядом с пилотом.

– Так, давай поближе, вон к тому месту, – распорядился Э-Клерк, указывая пальцем точку на карте монитора.

– Хорошо, – ответил Арт, подводя корабль к указанному месту.

– Стоп, – прозвучала команда, – включить систему сейсмоэхолота.

– Есть, включить систему сейсмоэхолота, – повторил голос пилота в наушниках.

– Задействовать сферическую силу облета и установить радиус подачи звукового сигнала.

– Есть, установить радиус подачи..., – вторил ему тот же голос.

Так прошло еще минут двадцать, пока выявлялась конкретная точка на огромной ледовой территории, и опускалось по-очереди необходимое оборудование.

– Конец распоряжений, – зазвучал голос Основного, – всем приступить к операции.

И экипаж послушно начал выходить наружу.

– Постойте, командир, – неожиданно запротестовал пилот, – я вижу небольшое изменение в параметрах, – сказал он, указывая на высветившуюся перед ним сигнализацию.

– Экипажу возвратиться на борт, – строго прозвучала команда, – оборудование прикольтцевать к кораблю. Немного переместимся на северо-восток.

– Что случилось? – спросил неожиданно чей-то голос, скорее всего, радиста, – какие-то изменения?

– Да, – немедленно возвращайтесь, – сухо ответил Основной и, обращаясь к пилоту, продолжил, – наверное, подействовало само поле измерения. Никогда нельзя полагаться только на себя, – с огорчением заключил он.

Пилот утвердительно кивнул головой, соглашаясь с таким выводом, и уверенно добавил:

– Наверное, сама природа хочет себе помочь.

– Да, – согласился в свою очередь Э-Клерк, – но, возможно, и не только природа. Возможно, кто-то еще.

– Как это? – удивился пилот, – мы ведь знаем, что больше никого нет в этом созвездии.

– Так-то, оно так, – ответил Основной, – но кто знает, какие еще жизни могут существовать и в каком виде.

– Неужто, есть что-то подобное просто материи в открытом пространстве? – спросил Артур.

– Может, и есть. Мы еще до этого не дошли, – ответил командир, осматривая самого себя как-будто со стороны.

– Экипаж на месте. Можно отчаливать, – раздался голос в наушниках обоих.

– Хорошо, тогда взлет, – распорядился Основной, и через время они перебазируются немного в сторону от исходной позиции.

– Так.., стоп, вот здесь, – прозвучала команда, и корабль замер в одном положении, – проверим еще раз параметры, не высветится ли что еще.

Но нет, подобного больше не повторилось, и операция по засверливанию прошла успешно. По окончании был снова вложен заряд, по силе равный предыдущему, а оборудование возвращено на борт.

– Ну что, пожалуй, начнем. Взлет, – кратко распорядился командир.

Корабль медленно, не допуская огромного шума, начал подниматься вверх.

Снова пришлось пережить небольшую тряску, а по набору определенной высоты включить собственное энерговибрационное магнетическое поле для удобства передвижений экипажа.

Наконец, прозвучала уже довольно знакомая команда командира «Огонь», и на сегодня их рабочий день был закончен.

– Что приборы? – поинтересовался Э-Клерк у бортиженера, проводившего отслеживание взрыва.

– Все в норме, – отозвался он, – сейсмомодинамика пришла в силу. Десятибалльная шкала не позволяет отобразить конкретную величину, но я думаю, что около 12 – 12,2 балла, судя по всплескам на моем приборе.

– Хорошо, – ответил командир, – проследи еще минут двадцать. Как только начнет утихать, можешь идти отдыхать.

– Есть, командир, – отозвался Вейс, ни на секунду не отрывая глаз от своего прибора.

– Ну, вот и хорошо, – почему-то довольно потер руки

Э-Клерк, как будто от этого зависело что-то в его собственной судьбе.

Удивляясь своему поступку, Основной даже улыбнулся, что бывало крайне редко.

– Наверное, Земля уже начала свою работу, – подумал он про себя, чувствуя, как небольшая точечная дрожь пробежала по его телу, – придется усилить свое собственное бортовое начало.

– Вейс, ты меня слышишь, – обратился он по радио к борт-инженеру.

– Да, командир, – отозвался тот.

– Ты там рядом. Увеличь собственную сейсмозащиту, а то энергия Земли начинает действовать и на нас.

– Хорошо, усиливаю, – эхом отозвался Вейс, и вскоре на корабле почувствовалось какое-то дуновение от работы вестибуляторных кондиционерных приборов, нагнетающих избыточное номерное давление.

– Достаточно, – прекратил этот процесс Основной, – на сегодня хватит. А завтра воспользуемся целевым генератором.

– Есть, – ответил бортинженер и выключил систему нагнетания.

– Ну, теперь, можно и отдохнуть. Надо только назначить дежурного, – тихо прошептал Э-Клерк и пошел разыскивать нужного ему члена экипажа...

Глава 5. День четвертый

И этот день начинался, как обычно по-рабочему и с деловым тоном. Дежурный доложил, что пелена немного спала, и на стол легли первые аэрокосмические съемки планеты. Командир внимательно просмотрел их и с удовлетворением произнес:

– Вижу, что потрудились мы не напрасно, но радоваться особо нечему. Предстоит проделать то же и на этой стороне, – и он указал пальцем место на параметрической доске.

Все с пониманием окинули взглядом назначенную на сегодня точку отсчета их внутреннего ресурса и разошлись по своим местам. Разговаривать о чем-либо было просто неуместно. Да, и о чем рассуждать, если все и так известно. Вот если бы было, хоть что-то не ясно, вот тогда, возможно, и последовал какой вопрос.

Но, так или иначе, дело было продолжено.

И спустя один час они уже подходили снова к югу, наблюдая за тем, что было проделано позавчера.

Реки стали обширнее и объемистее. Вокруг них кружился, клубочась, пар и поднимался на небольшую высоту.

– Что, до сих пор не остыло? – удивился бортинженер, бросая взгляд на толщу льдов и протекающие реки.

– Нет, – возразил командир, – это заработала сама Земля. Она сейчас подает тепло из недр, благодаря некоторому разрежению грунтовых слоев. Так что основное мы сделали. Осталось строго направить сейсмодинамическую силу взрывов и с обоими полюсами будет закончено,

– А потом? – спросил Вейс. – Что потом?

– А что, потом, – уверенно и спокойно произнес Основной, – потом будем делать замеры и, как говорят, вдыхать жизнь в растущее потребье Земли.

– Как это?

– О, увидишь. Это очень интересно. Химик и другие покажут. А сейчас, ладно, не отвлекайся. Надо правильно рассчитать направление и снять параметры с самого ядра. Не забудь успокоить и свою сейсмозащиту, – добавил Э-Клерк, указывая рукой на кнопку пульта управления.

– Хорошо, – ответил Вейс и занялся расчетами.

Командир же прошел в кают-компанию и, облокотившись на спинку кресла, долго всматривался в параметрическую доску.

Пока все шло по плану. Но, кто знает, что может выкинуть дикая природа Земли. Слишком резкие изменения и за столь короткий срок могут и навредить. Но об этом как-то не хотелось думать, и Основной решительно направился снова в отсек управления.

На смену дежурившему палеонтологу пришел пилот, и они вместе пока управляли кораблем.

– Так, достаточно, – распорядился командир, отправляя доктора Эйкувера, как звали палеонтолога, отдыхать, – сейчас я сажусь за управление.

– Есть, командир, – довольно ответил тот, освобождая кресло управления и отправляясь к себе в отсек.

– Ну, что, Арт, – сокращенно обратился к пилоту Основной, – как ваши дела?

– Полет в норме, – кратко ответил тот, не поворачивая своей головы.

– Синтетический осмотр производил?

– Нет, пока нет, – обеспокоенно сказал пилот, – времени не хватило.

– Ну, хорошо, не волнуйся, тогда я проведу, – и Э-Клерк занялся профилактикой корабля.

Спустя несколько минут основное было завершено, и они находились над местом первого назначенного взрыва.

– Все готовы, – раздался голос бортового инженера по радио, – можно приступать. Сейсмоопасность в настоящее время отсутствует.

– Что ж, хорошо. Начинайте, – ответил командир, и сам приступил к операциям по выносу наружу всех необходимых бортовых средств.

– Командир, командир, – неожиданно закричал голос в наушниках, – связь понемногу восстанавливается. Получена радиограмма. Берусь за расшифровку.

– Вот и прекрасно, – довольно ответил Э-Клерк, – а кто тебя заменит?

– Ребята сами справятся, – успокоил его Август.

– Ладно, давай за расшифровку, а я сам им подмогу, – и Основной, оставив кресло управления, направился в отсек спецодежды и снаряжений.

Работы только начались, как тот же голос радиста радостно сообщил:

– Командир, командир. Я вас поздравляю. Вам присвоили очередное звание.

– Да?!! – удивился Э-Клерк, – с чего это они так расщедрились?

– О-о тут говорится, что за разные заслуги и, в частности, за освоение Земли.

– А откуда они знают, мы ведь, не докладывали? – спросил командир.

– А я ведь запускал бегущую волну. Вот она и дошла.

– Ладно, не тараторь. Что там еще? Что приказывают?

– Приказано выжить в любых условиях, – серьезно ответил радист, – и сделать упор на развитие животного мира. Намечено переселение. Что-то там не ладится дома. Время сократилось. Потому, просят ускорить наши работы.

– Фу-ты, – огрызнулся в радио Основной, – как же мы ускорим и так пытаемся побыстрее.

– Ничего, – успокоил тот же Август, – здесь еще сказано, что основной срок еще не определен. Это так, для первых переселенцев. Как проба на уживчивость.

– Ладно, хорошо. Оставайся там. Мы скоро закончим, и я просмотрю сам досконально, – отозвался Э-Клерк и принялся за свою часть работы на Земле.

– Есть, оставаться здесь, – ответил радостный Август и занялся перепиской начисто полученной радиограммы.

Но вот, прозвучала последняя команда, и все системы были подняты снова на борт. Экипаж во главе с командиром прибыл на место, и корабль начал взмывать вверх.

– Погоди-ка, – вдруг, вспомнил что-то Основной, – а систему прогнозирования что, оставили там?

– Нет, нет, – успокоил рядом стоящий геодезист, – я прикольцевал ее к борту раньше.

– А-а, ну тогда хорошо. Можно и взлетать. Пилот, – обратился он в радио, – даю взлет.

– Есть, взлет, командир, – и корабль плавно тронулся с места.

Отлетев на порядочное расстояние, звездолет замер в открытом пространстве.

– Огонь, – громко прозвучала команда, и с борта ушел радиосигнал.

И снова, в который раз вздрогнула Земля, опыляя сама себя ледовой пылью и превращая ее в молочные кипящие реки. И опять планету заволокло серым густым облаком исходящего пара.

– Пока отдых, часов на шесть, – распорядился Основной, направляясь к отсеку радиста.

– Ну, что тут? – обратился он, войдя внутрь, к Августу, – давай, помозгую.

– Да. Вот, все готово, – торопливо подал тот бумагу и отошел в сторону.

Командир сел в кресло и прочитал снова весь текст. Хорошего для них было немного. Ускорение обозначало лишь одно, что на самом материке что-то произошло. Скорее всего, увеличилась общая сутолокация основного светила. Значит, времени у них мало, но это означало и другое. То, что они домой больше не возвратятся.

Основной положил бумагу на стол и прикрыл на минуту глаза руками.

Как-то это не укладывалось в его голове. И хотя он уже тысячу раз был готов к этому – все же прозвучало оно достаточно резко.

Он встал и прошелся по небольшому отсеку. Ноги чуть-чуть оторвались от пола.

– Скажи, пусть, увеличат нагрузку, – обратился Основной к Августу, молча наблюдавшему за его действиями.

– Хорошо, командир, – ответил тот и, также покачиваясь, вышел из отсека, понимая, что командиру хотелось побыть наедине.

Э-Клерк снова прошелся по отсеку, а затем резко сел, обхватив голову руками.

Нет. Как-то это сообщение не укладывалось в голове. Вроде бы была планета, был хоть какой-то дом, к которому всегда тянуло вернуться. А что сейчас? Получается, что это все, конец их местному существованию. Теперь, они бездомные, беспомощные в каком-то смысле. Неужели, это все? Конец их цивилизации? Кто знает, как сложатся дела дальше? Может, сюда и не дойдут все, а ведь их много. Около пяти тысяч. Все остальные там, в банке памяти и готовы размножиться в любую минуту.

Но получится ли этот переход? На это трудно ответить.

Конечно, сейчас там тоже все волнуются. И, конечно же, полагаются все на них. На них семерых, которые сейчас должны работать полностью на всех остальных. Нет, погибнуть теперь нельзя. Вот, что самое страшное.

Ибо своя смерть, или смерть экипажа – это значит, не выполнение задания. Это значит, уничтожить практически своими руками исходную точку цивилизации, достигшей хоть какого-то уровня своего развития. Какая же ответственность сейчас возлагается на них. Об этом страшно даже думать. Но нет, опускать руки нельзя. Надо думать, думать и думать. Прорасчитывать по двести раз одно и то же. Сверять все данные исходные и переходные. Надо взять дополнительные пробы и уже завтра проанализировать ход событий.

Командир опустил руки и встал. Лицо его было напряженным и чуть-чуть уставшим.

– Ничего, – тихо сказал он, – мы выстоим. Выстоим и победим эту безводную игольчатую стихию и возродим на ней жизнь, – и Основной решительно шагнул на выход, забирая на ходу небольшой клочок бумажного листа, на котором был написан текст сообщения.

– Надо поговорить с экипажем, – подумал он, направляясь в кают-компанию, – хотя, нет, пусть, пока отдыхают. Сегодня еще один взрыв. А вот завтра с утра я с ними побеседую.

Так решив, он направился в свой отсек, чтобы на немного прилечь и успокоить самого себя. К тому же, было и о чем потосковать, хотя Э-Клерк и не был особо склонен к этому. Но, как ни странно, чувства возымели свое, а мысли переполнили голову.

Командир прошел к себе и улегся на своем небольшом диване, располагаясь так, чтобы его глаза смотрели куда-то в потолок, которого здесь, практически, не существовало, – ибо это была всего лишь очередная перегородка между отсеками.

Но привычка дело не простое, и он устроился так, как ему хотелось.

Затем, медленно закрыл глаза и попытался вспомнить самого себя с детства и так дальше, по возрастающей.

Спустя минут десять Э-Клерк уже спал ровным спокойным сном, лишь изредка вздрагивая от какого-то видения.

А через два с лишним часа, он встал, как ни в чем, ни бывало, умылся и направился в отсек управления, дабы проконтролировать получаемые сведения, а вместе с тем и перепроверить все статистические данные по этой планете.

Еще через два часа весь экипаж снова собрался в кают-компанию, где Основной дал распоряжение на вторичную закладку заряда.

Корабль начал снижение, и спустя некоторое время они были на месте.

Там еще бушевали страсти по не остывшему ледяному помосту, но Э-Клерк, тщательно все перепроверив, дал команду на выгрузку и указал точное место закладки.

По окончании подготовительных работ, он приказал всем подняться на борт и занять свои места в рабочих отсеках.

На этот раз они не стали далеко уходить, а переместились на обратную сторону самой Земли и уже оттуда был послан радиосигнал на взрыв.

Это был последний взрыв на этой планете, разрушающий основную кору ледового покрытия. Далее, это проделает вода и сама природа Земли.

Самое главное – их расчеты подтвердились. Ядро заработало в полную силу и начало нагнетать массу льда огромным количеством тепла. И через некоторое время, на Земле текли уже не реки, а целые огромные по своему масштабу проливы, шириной до 15-17 км.

Так образовывалась первая часть материковой основы, и отделялись сами полюса от настоящей грунтовой массы.

И это была первая победа рук первопроходцев в этом диком и заброшенном мире, который они почему-то назвали первым. Наверное, потому, что так им хотелось, ибо он был действительно первым в их отеческом проходном мире эксплуатации другого ядра.

Он был также первым и потому, что основная часть их существующей цивилизации должна была обрести себе первое место переселения.

И еще они назвали его так потому, что он был первым, образованным практически искусственным путем свободных средств и сил уже развившейся цивилизации.

Это и давало всему основание предполагать, что Земля является частью их выработанной ранее теории по нанесению жизни на карту космического прошлого многих других видов существования.

Нет, не цель выжить была основной. Главное – это было направить куда-то свой ум и не дать погибнуть кому-то еще не развившемуся или не способному развиваться самостоятельно без помощи определенного характера со стороны других.

Нанесение на параметрическую карту жизненных штрихов – это и есть основа космического проходного мира.

И надо это понять тем, кто уже сейчас находится очень близко от своеобразного сферического уплотнения коры Земли и развития ее сейсмологии.

Надо также понять, что любая грунтовая зыбь – это жизнь, способная выразить что-то, даже того же человеческого монстра, коим он представляется сейчас многим.

Нет, не по внешним признакам и искусству любить. А по внутреннему своему упоминанию и возникновению отрицательной силы души. Космические монстры – это большие и совершенно беспомощные существа, не дающие отчетности своим действиям.

Человек же, рожденный здесь, на Земле – это монстр особого, сильного порядка. Ему не принадлежит эпос упования на самого себя, но зато ему надлежит весь окружающий мир.

Именно с этой точки зрения и подходит вся существующая ныне иностранная цивилизация. Именно этого она боится от человеческих существ, ибо знает, что рожденному по навязке уготована доля лучшего порядка, нежели им самим.

Но для этого надо понять по-другому историю своего тепла и историю развития другого любого мира. Надо отдать себе отчет в том, что ты делаешь уже сейчас. И монстр потихоньку будет превращаться в просто человека, любящего свое творение и принимающего из рук других науку первостепенного познания.

Человек – это животворенье, узнанное самим собой спустя века. Нельзя допустить опустошения и кротости зла в заключенных рамках своего возмездия остальному. Надо понять, что жизнь, идущая и дающаяся извне – это просто обыденность, а бренность ума – это уже наваждение зла и какого-то злого рока.

Не допустить этого, и призывает вся наша космическая элитарная совесть, имя которой Разум, обтекающая всю планету с разных сторон.

Корабль стоял на месте, а экипаж уже отдыхал. Завтра им предстояло побороть себя и включить всю свою силу воли в ознаменование скоротечности добра.

Они спали, а Земля уже работала на новую жизнь. Вот это и было то, что можно уже сейчас назвать динамической раскруткой земного ядра...

Глава 6. День пятый

Утро показалось Э-Клерку каким-то длинным и тянущимся. И пока все еще убрали свои постели и завтракали, он вошел в кают-компанию и занял свое место.

Надо было собраться с мыслями, кое-что обмозговать и решительно перецеленаправить весь экипаж.

Но, как это сделать, если у каждого свои тени прошлого и свои заботы.

Как-то нужно объяснить им о вынесенном другими решении и растолковать ситуацию по-своему.

Наконец, все собрались, и командир открыл совещание.

– Вы все знаете, что вчера на борт поступила радиограмма и мой долг, как командира корабля, оповестить вас об этом. Эйбл призывает нас не возвращаться обратно, а закрепиться здесь и ускорить наши работы по возрождению более натуральной жизни. Переселение назначено на сроки, ранее с нами не согласованные. Судя по всему, дома произошли резкие изменения в худшую сторону, а значит, оставаться там равносильно смерти. Поэтому, Старший, да и все остальные просят нас о незамедлительных подготовительных мерах по обеспечению их переселения, а также об ускорении всех наших работ.

Командир на секунду прервался и осмотрел всех участников совещания. Члены экипажа молчали, да и что они могли сказать сейчас. Пока это не укладывалось в их головах, как и у него вчера.

– Значит, так, – решительно продолжил Основной, – сегодня занимаемся вплотную группой соляных отложений в верхней части слоев поверхности. Химик и геодезист непосредственно ознакомят остальных с видом необходимых работ. Все запасы, – указал Э-Клерк, обращаясь к бортинженеру, – тщательно перепроверить, уменьшить до минимума рацион питания. Экономить суточную норму подачи воды и сузить наши гальванические расходы. Обо всех действиях, не предусмотренных штатными обязанностями докладывать мне. С этой минуты переходим на режим блокировки систем общего снижения. Надо понемногу приспосабливаться к наружным условиям. Работа пока в скафандрах.

Особо обращаю ваше внимание на плотность укупок противоядий любых порядков. Вскоре, здесь на Земле, – и он постучал, как мог, ногой по полу, – не останется живого места от ползающего населения. Потому, надо к этому готовиться уже сейчас. А, теперь, по местам и за работу. Да, какие есть ко мне вопросы?

– Вопрос один, командир, – обратился к нему бортинженер, что могло стрястись там, на Эйбле?

– Откровенно говоря, не знаю, да и в радиограмме не указано, – честно признался Э-Клерк, – но думаю, что что-то очень серьезное, если решились на такое.

– Вопросов больше нет, – ответил вместо Вейса Август, и экипаж начал покидать отсек кают-компаний.

– Я знаю, вам тяжело сейчас, – кинул вдогонку командир, – но постарайтесь не отвлекаться во время работы на посторонние мысли. Это приказ.

Спустя час работа началась. Вначале надо было найти место, самое пригодное для производства подобных работ, и звездолет долго кружил над поверхностью Земли. Наконец, точка была найдена, и корабль мягко приземлился.

– Никому не покидать борт, – распорядился Основной, усаживаясь в кресло переносной параметрической лаборатории, – сейчас я определю дисфункцию настоящего потока изотермического излучения и сопоставлю все ранее освобожденные минеральные соединения.

Все замерли в ожидавши результата, и, наверное, каждый за это время думал о чем-то своем.

Но вот, команда прозвучала, и экипаж принялся за работу.

На месте посадки было выкорчевано, в буквальном смысле этого слова, огромное количество трав и снят первый слой грунтового покрытия.

Далее начались раскопки. Сразу в нескольких местах были образованы огромные длинные колодцы размером 5 на 6 метров и тщательно отбортированы в них стороны. Выброшенные наружу слои рассортировывались и складывались в отдельные кучи.

Таким образом, получалось возле каждого колодца по десять – одиннадцать таких куч, в зависимости от первоначального слоя. В некоторых местах он попросту отсутствовал, хотя работали они всего на территории 75 квадратных метров.

После тщательного осмотра палеонтологом, геодезистом и химиком, а также сделанных проб каждого слоя, был сделан вывод, что первичный слой сильно обогащен ураново-титановой пылью, что, собственно говоря, и не давало выходу наружу целых кальциевых соединений.

Анализ внутренних слоев показывал, что геодезически Земля подходила к усиленному разблокированию основных материальных залежей. Здесь было все: от цинка до хлористого кальция, не исключая и тяжелую группу метанидов.

Таким образом, решение вывода на поверхность лежало в субординировании всех слоев или, проще говоря, в решительном смешивании верхних и нижних слоев для скорейшей атрофии усиленной роли плюмбита поверхностного слоя.

Такое решение было возможно в случае прямого координирования силы земного притяжения и воздушного потока обтекающих сферу Земли масс, не исключая прямое изотермическое вмешательство.

– Хорошо, – сказал командир, просмотрев все анализы, – сделаем следующим образом. Вносим внутрь селекцию нового прострационного редуктора газотермической связи. Далее. Ускоряем действие пропеллированных соединений путем перевода их из одной группы базисных единиц в другую. Берем геологическую кислоту и ощелачиваем эти вытяжные колодцы. Потом. Усиливаем ее же реофинированным мелкозернистым касмилидином, включая сюда и подачу углеводородистого крупнозернистого флюменисцита. Давайте, за работу.

И работа пошла снова.

Вначале колодцы наполнили или, точнее оказать, протрусили порошкообразным видом профолтедрина, а затем поочередно, слой за слоем, начали пропеллировать селекционной кислотой. Таким образом, образовалась водородная группа внутри самой почвы, которая, как минимум, через пять-шесть дней даст первую проросшую единицу суперфосфатной соли.

Колодцы были вновь реконструированы и аккуратно выровнены с поверхностью. Затем их прикрыли игольчатой, сдернутой ранее травой, а по краям разместили небольшие коричневые флажки, чтобы определить зону экстремального энергоснабжения.

Закончив это, экипаж потянулся внутрь корабля. Необходимо было хоть немного отдохнуть. Работа в скафандрах, да еще в земных условиях, давалась нелегко.

– Отдых на два часа, – раздался голос командира, и на борту все стихло.

Сам же Э-Клерк отправился в кают-компанию, чтобы осмотреть место следующей выработки. Надо было разместить соленокристаллические колодцы в таком порядке, чтобы они располагались на поверхности, в основном, на одном энергопотребляемом уровне.

Это позволило бы взойти первым росткам практически в одно время, что дало бы возможность распространить все это далее в более короткие сроки.

Основной нанес на карте необходимые точки, и мгновенно эта информация внеслась в бортовой компьютер. Теперь, решение принадлежало автоматике. С точностью до сантиметра она должна была рассчитать места следующих приземлений.

Через два с небольшим часа корабль опять поменял место дислокации. И снова экипаж приступил к работе.

Здесь, были проделаны те же операции с фиксацией остаточного количества перманентных кристаллогидратов.

К вечеру, они выкопали еще восемнадцать колодцев, и так же закупорили их, как и первые три.

Основное было сделано. Посев должен был снять фиксированную радиоактивность и ускорить развитие основных групп внутренних сустезирующих элементов.

К сожалению, они не успели обойти шар по всей его окружности, и оставалась примерно треть пройденного уже пути. Но не это смущало командира.

Надо было вызвать полную резодоляцию верхних слоев окружающих Землю масс. Это сделать было гораздо труднее. По их предварительным подсчетам, чтобы зажечь основное светило, как полагается, необходимо разблокировать всю систему несущего созвездия.

Значит, надо послать ультрасигнал на вспомогательную планету-спутник, гораздо меньшую по размеру и определяющую роль диэлектрического компонента снятия общей напряженности полей созвездия.

Но как это сделать?

Нужно что-то придумать. Может, использовать лазер, но он только разрежет пространственную связь. Тогда что?

А вот что. Решение пришло как-то неожиданно просто.

Надо включить в действие снова ядро, но направить волну в верхнюю часть шара. То есть, это должен быть точно полюс. Но какой? Северный или Южный? Какому отдать предпочтение?

Надо подумать. Основной немного занервничал, что очень редко случалось, и заходил по отсеку. Решение не заставляло себя долго ждать.

Если предположить, что Север – это минус, то Юг – плюс. Ядро, вынося наружу свою внутреннюю энергию, создаст замыкание между различными полюсами, а значит, нарушится трансмиссионная связь межпланетного обогащения ураном. Что это даст?

А это даст нам приток новой энергетической массы, отделяемой из общего числа планет созвездия и, само собой разумеется, резодоляцию верхних слоев.

Энергетическая масса вовлечет за собой массу облачно-густого тумана, и все это ударится о Землю. То есть, это будет осадок в виде дождя. Что ж, хорошо.

Но нужно, чтобы все это вернулось обратно, дабы не нарушить энергобаласт Земли и ее магнетизм.

Значит, замыкая основное поле или посылая сигнал, надо одновременно послать такой же сигнал в обратную сторону, то есть в основную энерговывделяемую субстанцию роста созвездия, то бишь в одну из планет.

Таким образом, еще одна выделяемая масса энергии отобразится на верхнем балансе созвездия и также войдет в Землю, как и обычный метеорит. Но какую планету выбрать?

Надо определить поток люминесцентных частиц, наиболее активных по своему составу. Вот и решение вопроса.

Остается только точно рассчитать параболу возвращения энергетической массы и способ выделения такой энергии ядром планеты.

Основной закрыл глаза и снова задумался. Если взять обычную сигнальную ракету и выстрелить ею в какое-то пространство, то она долетит до определенного уровня и возвратится обратно. Все зависит от начальной скорости. Значит, надо рассчитать силу подземного удара, чтобы волна могла достичь необходимой цели. То есть, сила посылаемого заряда должна быть равна эквиваленту мощности выноса наружу энергетической массы. С этим понятно.

Что же касается планеты из системы, то придется запустить обычную звуковую ракету, дабы вызвать разблокирование части механической энергии. Рискованно? Да. Но, что поделать, когда надо ускорять процесс.

Приняв решение, командир решил все же посоветоваться с членами экипажа, собрав их на небольшое совещание в кают-компанию.

– Вы знаете, – начал он сразу о деле, что необходимо внести скорейшие коррективы в деятельность грунтовых слоев. А это значит, что нужно нарушить обычный взаимообмен энергетическими массами, между созвездием и самой Землей. Я лично рассчитал параболу полета звуковой космической ракеты, но хочу, чтобы вы скомпоновали мое решение.

– Мы доверяем, командир, – в один голос заявили все члены экипажа.

– Нет, дело очень серьезное. Ошибки быть не должно. Поэтому, возьмите по параметру и перепроверьте. Надо еще вычислить время такого запуска. И, естественно, обезопасить самих себя, что обозначает уйти на достаточное расстояние, чтобы не попасть в область направляемой энергомассы.

Экипаж погрузился в исчисления и их перепроверку, а командир – в свои тревожные мысли.

– Нет, – успокаивал он сам себя. Здесь не должно быть никакой ошибки. Если звезды регулируют светоподачу, то одна из энергетических масс созвездия должна обязательно вносить основной досылаемый энергетический заряд. Сейчас он идет довольно слабо, так как закрутка ядра уже практически закончилась. Значит, надо усилить до определенного уровня и создать поверхностное и нижнее давление. Обрушившаяся масса должна образовать свою функцию ретермического смысла. Она должна внести в общую систему разгрузку гинестезических недр Земли.

– Все правильно, – начали доноситься голоса до его мозга, и Основной прервал свои размышления.

– Проверьте еще раз, – усомнился Э-Клерк, желая перепроверить несколько раз.,

– Хорошо, – согласились те и быстро поменялись параметрами.

Командир опять окунулся в размышления.

– Итак, наносимый ракетный звуковой удар проделает дыру в озоново-наносном сферическом слое. А это значит, возрастет бактериологическая опасность. Ну и что? Живого ведь пока ничего нет, за исключением их самих, а они защищены. Но, это все же не главное. Основное не навредить самой системе обращения энергомассами и не разрушить центросферическое магнитное поле самой Земли.

И снова мысли прервались, так как экипаж в один голос заявил, что все в порядке.

– Проверьте еще раз, – распорядился он в последний раз и повернулся ко всем спиной.

– Еще, значит еще, – ответил кто-то из присутствующих, и листки бумаги зашуршали в их руках.

Наконец, и эта проверка была исчерпана, и командир удовлетворенно кивнул, поблагодарив всех за помощь.

– Теперь, главное, – сказал он после минутного раздумья, – надо определить время запуска на завтра и сменить место своего пребывания в этой зоне.

– По времени мы не успеваем, – отозвался бортинженер, завтра еще довольно много работы.

– Я знаю, – ответил Основной, – постараемся ускорить это.

– Тогда, нужно это возложить на пять часов вечера, к этому времени, думаю, управимся.

– Хорошо, – ответил командир, – как думают остальные? – и он обвел взглядом присутствующих.

Все кивком головы дали согласие.

– Ну, что ж, когда все согласны, то совещание закончено. Можно отдыхать. А место безопасной зоны я вычислю сам.

На этом общее обсуждение вопроса было закончено, и все разошлись по своим отсекам.

Э-Клерк же уселся за расчеты параметрической гиперболы, присущей любому взрыву, хоть наносному, хоть внутреннему.

Спустя час, он закончил свою работу и обессилено откинулся на спинку кресла.

– Нет, – тихо прошептал Э-Клерк, – наверное, с возрастом это становится уже не под силу. Нужно молодым заниматься подобным.

На этом его словарный запас исчерпался, и он в один миг уснул. Усталость сделала свое дело, несмотря на то, что нагрузки, как таковой, по физиологии не было.

Что ж, иногда работа ума с лихвой покрывает все физические затраты, а иногда и забирает все на себя. Таков закон отторжения сил вещества, и он, к сожалению, всегда действует.

Глава 7. День шестой

Утро начиналось, как и всегда, с небольшой уборки отсеков и легкого завтрака.

В девять часов все сидели за круглым столом и молча, уповали на командира, который сегодня на удивление был наиболее краток и сосредоточен.

– Итак. Решение, принятое вчера, остается в силе. Все работы закончить в 15-00 и доложить о выполнении. Далее, небольшой отдых и снова работа. Старт назначаю на 17-02 по нашему сферокосмическому времени. Долго задерживать не буду. Потому, будьте внимательны при раскопках и особенно при закладке новых корректирующих веществ. Все. По местам.

Экипаж дружно поднялся и разошелся по сторонам.

Э-Клерку ничего не оставалось, как пройти в отсек управления и занять место рядом с пилотом..

– Продолжаем вчерашнее, – кратко сказал он и тронул рычаги управления кораблем.

– Минутку, командир, – предупредил его пилот, – вы забыли поставить на ручное управление.

– Вот, черт. Всегда забываю об этом. Все-таки старые модели были чем-то лучше и скорходнее. Не так ли, Арт?

– Не знаю, – спокойно ответил пилот, переводя режим из автоматического в ручной, – я этого не застал. Хотя слышал по-разному,

– Да-а, – протянул Э-Клерк, – года бегут, бегут и бегут. Не успеешь оглянуться, как и вся жизнь прошла. Вот вспоминаю свою молодость и поверь, ничего припомнить такого особого, знаменательного или чем-то выделяющегося не могу. Какие-то серые космические будни и все. Неужто, счастье действительно в этом, а, Арт? Как считаешь?

– Не знаю, – качнул плечами пилот, – я ведь тоже, почти с юных лет на бортах разных кораблей.

– Но ты ведь женат и даже детей имеешь.

– Да. Ну и что из того. Я их почти не вижу. Взять хотя бы сейчас. Сколько мы уже в полете. Три года, уж на четвертый потянуло. И это у нас, а дома? Добрый десяток прошел.

– Да, – согласился командир, – дома время летит быстрее. Я тоже никак не могу привыкнуть к этому. Сколько уже в полетах, а все не укладывается в голове.

Пилот промолчал, очевидно, занимаясь своими делами, а Основной продолжил:

– Если бы знать, где можно вот так взять и просто осесть, безо всего вот этого, – и он обвел рукой отсек корабля, я бы, наверное, сразу согласился. Эти вечные перегоны, поиски – они утомляют. И не только тех, кто стареет, а даже молодых, невзирая на их раннее любопытство и романтику. Но где найти такое место, чтоб прожить спокойно свою жизнь.

Вряд ли такое хоть где-то имеется. Сколько поналетал – везде одно и то же. Жизнь борется со смертью, и наоборот. Побеждает всегда то, что умнее в той или иной ситуации. Если вот так поразмыслить: а смогли бы мы вот так просто безо всего прожить в мире и согласии друг с другом? А почему нет, – отвечал сам себе Э-Клерк, – конечно, смогли бы и для этого не надо строить какие-то огромные каменные изваяния или что-то еще в этом роде. Природа сама даст то, что необходимо. Обращайся с ней вежливо, и все будет. Конечно, оно не вечно, но все-таки даст хоть какое-то время на обычную рядовую жизнь. Но ведь для того, чтобы так жить – надо много думать и много знать. Вот и получается, что другого пути развития просто не существует. Прав я или нет, Арт?

– Наверное, правы, командир, – отвечал слегка улыбающийся пилот. Ему нравилось, когда Основной начинал вот так просто говорить о жизни, – но вы одного не договариваете.

– Чего же? – удивился Э-Клерк.

– А как быть тем, кто не хотел бы вот так просто жить среди этой природы без каких-то механизмов, облегчающих их труд в повседневной жизни.

– А зачем его облегчать? – в упор спросил пилота Основной.

– Ну, не знаю, – смутился тот от неожиданности такого вопроса, – наверное, чтобы легче жить нам.

– А-а, видишь, не знаешь, а говоришь, – с небольшим напутствием произнес Э-Клерк, – видишь, что делают эти механизмы с нами?

– Что? – не понял сразу пилот.

– А то, что вот летаем и ищем, куда бы свое племя посадить. А все почему? Потому, что когда хотели жить лучше, то не думали о природе, так она сама о себе позаботилась. Взяла и изгнала нас со своей территории.

– Но ведь она наша мать, – запротестовал Арт, – как она могла так поступить?

– Согласен, – ответил Э-Клерк, – мать. Но, что сделали мы, как дети. Все завоевали и победили, ничего не оставляя взамен. Мы высосали из нее все, что можно. Правильно?

– Да, – подтвердил Артур.

– Так вот, а что ей оставалось делать, кроме как саморазрушаться, чтоб потом обрести новую такую же жизнь, но, возможно, на ней родятся уже лучшие, чем были прежде. Вот, о чем надо думать.

– Согласен, – снова подтвердил сказанное пилот, – но, что же делать в таком случае нам? Не жить же, действительно, нагишом и без обычной лопаты под боком. Да и защищаться тоже надо от других.

– Вот-вот, – задумчиво отвечал Э-Клерк, – защищаться. Именно это и породило все остальное. А если бы не было этого, то, возможно, было бы по-другому.

– Но так ведь нельзя, – запротестовал пилот, – нас просто уничтожат другие виды.

– Здесь я не согласен, – ответил командир, – почему они должны нас уничтожить, если мы им не причиним зла. Пищи ведь хватит для всех. Посмотри вокруг. Какие территории. И все не заселено. Неужто, не хватит на всех? А, Арт?

– Может, и хватит, – согласился пилот, – но все же, я думаю, что ваш вариант неустойчив.

– Возможно, – согласился Э-Клерк в свою очередь, – но к этому надо стремиться. Надо пытаться понять эту диковинную природу. Ведь смогли же понять саму планету. Докопаться, как говорят, до истины. Значит, можно достать и до остального. И еще, мне кажется, мы просто еще не сильно повзрослели. Умом имею в виду. Чего-то недопонимаем. Может, вот здесь, – и он показал вниз рукой на Землю, – мы чего-то и дойдем, когда возродим животоворящую силу. Посмотрим, как это будет происходить.

– А что, вы раньше не видели? – удивился пилот.

– Да, нет, почему же, видел, – ответил Основной, – но каждое новое и несет свое новое. Да и сами ведь не стоим на месте. Наш ум обогащается, и мы становимся взрослее.

– Скоро посадка, командир, – предупредил его Арт.

– Вижу, – отозвался Э-Клерк, пристегивая свои ремни безопасности.

– Экипажу приготовиться к посадке, – продолжил он, вслед за своей невысказанной мыслью.

Спустя пятнадцать минут корабль выгружал все необходимое оборудование, и работы по зачистке слоев начались.

Чтобы не терять время попусту, Основной задался подготовкой пусковой установки и внесением параметров в звуковую ракету. Для этого ему потребовалась помощь еще одного члена экипажа, и командир, переведя управление кораблем на автоматическое, подключил к работе пилота.

– Ну, вот что, Артур, – обратится он спустя некоторое время, – ты побудь здесь, а я пройду непосредственно в сам отсек и попробую напрямую ввести кодовую сигнализацию. Так будет гораздо быстрее.

– Хорошо, – кивнул пилот, и дверь за командиром закрылась.

Он посмотрел на приборную доску. На ней высвечивались параметрические данные. Судя по их исчезновению, можно было определять ход выполняемых работ.

Командир пробрался сквозь довольно-таки плотную сеть линейных кабелей высокого напряжения и очутился посреди небольшого отсека, в основном, занимаемого пусковой и стартовой установкой.

Сама ракета была отделена и находилась в другом помещении.

Но она пока не была нужна. Все данные вводились непосредственно в узловую блокировочную систему выноса наружу объекта направления. Они уже давно ушли от целевых направляемых ракет, не способных достигать цели из-за малейших профронтальных искажений на пути следования. Весь комплекс состоял из не очень большой по объему энергетической питательной батареи, зарядом мощностью до 10 000 мА/час, узловой дистанционной установки, системы стартовой сигнализации и обычной управляющей ЭВМ, способной рассчитывать параболу полета до наименьших числовых выражений.

Кроме этого, сюда входила также система противопожарной защиты, система самоликвидации блока управления и наведения, и система расконсервации самого пускового механизма.

Командир обследовал поочередно все эти системы, проверив контрольные точки отсчета, а заодно решил проверить и внутреннюю связь между системами взаимодействия.

– Слушай, Арт, – обратился он по радио к пилоту.

– Да, – отозвался сразу тот, – я слушаю.

– Я сейчас буду называть и включать точки, а ты проверь по бортовому компьютеру и внешней сигнализации правильность их выбора. Если, что не так – сразу говори. Понял?

– Да, командир, я готов.

– Ну, поехали, – и они начали довольно продолжительный отсчет контрольных точек.

Наконец, эта часть работы была благополучно завершена, и командиру осталось заняться непосредственно параметрическими данными.

– Слушай, Арт, – снова обратился Основной, – я сейчас у блока наведения. Диктуй цифровые знаменатели, а затем буквенные числители. Смотри, все по порядку. Перед этим называй шифр закладки. Ты меня понял?

– Да, командир. Сейчас, минутку. Я подготовлю рабочее место.

– Хорошо, давай. Я буду на связи, – и командир поудобнее уселся возле блока в самом закутке отсека.

Конечно, эту операцию можно было проделать и с центрального пульта, но Основной решил, что так будет надежнее. Все-таки здесь на месте ясно видно, что входит в сам блок. Если бы даже пилот ошибся, то он исправил бы на месте. К тому же, в это подключался и бортовой компьютер, контролирующий всю систему запуска.

– Командир, начинаю отсчет, – раздался голос в наушниках, и Основной, внимательно вслушиваясь в диктуемые ему данные, набирал на автономном пульте управления необходимую информацию.

На нем поочередно высвечивались те или другие данные, давая возможность командиру контролировать этот процесс вдвойне.

– Все, – зазвучало в завершение, и пилот облегченно вздохнул, сбрасывая с себя внутреннюю напряженность.

– Хорошо, – ответил ему Основной, – я все набрал, но не расслабляйся. Сейчас проверим общую квалифицирующую сеть на самом модульном дисплее.

– Я понял, – ответил тот же голос и внутри наушников что-то защелкало и зашумело, – можно начинать, – продолжил пилот после небольшого перерыва.

– Даю сбой информации, – сказал Э-Клерк, нажимая красную кнопку.

– Сбой принят, командир. Информация разблокирована. Связь неустойчивая.

– Ввожу наладку, – снова проговорил Основной.

– Наладка принята. Сбой уничтожен. Цифровая информация полностью восстановлена.

Модуль цветности скорректирован. Все в норме, командир.

– Хорошо. Давай, теперь, включай последнее. Саму первопроводную связь.

– Я понял. Даю связь, – ответил Арт и нажал синюю небольшую клавишу у себя на пульте.

И сразу на дисплейном модуле появились цифры отсчета и время методической проверки.

– У меня в норме, – снова сказал пилот, – как у вас?

– Сигнал прошел, – ответил Основной, наблюдая за мигавшей голубым цветом такой же лампочкой.

Он нажал рядом находившуюся клавишу, и сигнал исчез.

– Все в норме, – отозвался голос пилота, – сигнал завершения методических работ.

– Хорошо, включай поочередно все структуры питания. Проверка закончена.

– Есть, командир, – ответил Арт и, судя по небольшому шуму в наушниках, занялся этим.

Э-Клерк с минуту еще осмотрел отсек, внимательно проглядывая каждую отдельную деталь, а затем двинулся к головному, где находилась сама ракета.

Немного повозившись там, он вернулся обратно и удовлетворенно заметил:

– Ну, вот и все. Вроде бы все готово к старту, – и, посмотрев на часы, добавил, – а время-то уже многовато. Почти два часа ушло.

После этого Основной двинулся в обратном направлении, аккуратно проползая по массе тех же проводов и разностью другого оборудования корабля. Оказавшись на месте, он встал и с удовольствием потянулся.

– Все-таки так спокойнее, – тихо проговорил Э-Клерк, открывая дверь в отсек управления.

Судя по всему, работы на этом участке были закончены, и необходимо было менять место дислокации.

Потому, быстро распорядившись на погрузку, Основной занялся стартовой подготовкой.

Через пятнадцать минут они уже летели, наблюдая сверху за поверхностью планеты. А еще через двадцать пять минут, корабль приземлился, выталкивая наружу необходимое оборудование.

– Совсем как на стройке, – подумал вдруг командир, наблюдая за ходом выполняемых экипажем работ, – только с одной лишь разницей. Там знают, для кого строят, а мы нет. Известно, что воздаст точно нам эта Земля. Предпосылки и прогнозы, конечно, есть, но ведь это еще не говорит о конечном результате. Это почти то же, что ждать ребенка. А вдруг, он получится не такой, как хотелось бы. Ну ладно. К чему эти грустные мысли. Будем надеяться на лучшее, – решил Основной, принимаясь за часть надлежащей ему работы.

Они поменяли еще несколько мест, прежде чем закончить начатое вчера и подготовиться к основному. Время неумолимо шло вперед, и вот экипаж снова собрался в кают-компанию.

– Я вычислил место нашей передислокации, – начал командир, указывая точку на параметрической карте, – прошу всех осмотреть это место и сделать свои выводы. Я думаю, что нам там придется пробыть около трех-четырёх суток, пока здесь все уляжется и успокоится.

Экипаж, молча, всматривался в точку нанесенную командиром и делал какие-то свои расчеты. Особых разногласий не последовало, и все пришли к единому выбору места следующего пребывания.

– Если вопросов нет, то прошу всех занять свои места, – распорядился Основной, всматриваясь в лица присутствующих.

Вопросов не последовало, и все разошлись по отсекам.

– Объявляю тридцатиминутную готовность, – раздался голос командира по радио, – всем занять свои места.

Сам же Э-Клерк последовал в отсек управления к главному пульту и дал команду на взлет звездолета.

Через двадцать пять минут они были в указанной точке нового местопребывания.

– Ввожу пятиминутную готовность, – раздался голос командира, – всем приготовиться к запуску, – а через время продолжил. – Внимание! Минутная готовность... Начинаю отсчет... Десять, девять..., три, два, один, пуск!

Все системы сработали, как и положено, и корабль даже немного содрогнулся от выпущенной изнутри ракеты.

Экипаж проводил ее по приборам и сверяя параметрические данные с курсом реального полета.

– Тридцать секунд – полет нормальный, – гласил голос навигационного штурмана, – сорок секунд – полет нормальный... Внимание!!! Цель № 1 поражена. Полет без изменений... Траектория в норме... Две минуты сорок две секунды – полет продолжен без изменений... Три минуты двадцать пять секунд – ракета у цели, – гласил все тот же голос, а командир наблюдал по своему монитору. – Внимание! Цель! Три минуты пятьдесят шесть секунд. Полет закончен, – доложил штурман по радиосвязи.

– Вот и все, – выдохнул Основной, откидываясь на спинку кресла и смахивая рукой набежавший на глаза пот, – остается только ждать результата.

– Наблюдаю резололяцию основных воздушных потоков, – доложил бортиженер со своего пульта управления, – средняя температура увеличилась до 60 градусов. Легкое обморожение борта корабля.

– Включить систему термодинамики, – распорядился быстро Основной, переключая автоматику в режим ручного пользования.

– Есть, включить систему термодинамики, – повторил тот же голос.

– Наблюдаю большую силу вынесенной наружу электромагнитной индуктивности. Общая заряженность пространства увеличилась в 300 раз.

– Сброс хода малого двигателя, – приказал командир.

– Есть, сброс хода, – повторил рядом сидящий пилот.

– Наблюдаю грозовые разряды, – снова послышался голос бортиженера, – напряженность падает. Индуктивность возрастает.

– Выключить бортовую сигнализацию, – быстро распорядился Основной.

– Есть, – кратко ответил пилот, нажимая очередную клавишу.

– Энергетическая масса входит в поток земной стратосферы, – опять зазвучал голос Вейса, – электрический диссонанс в действии. Сроки опережения не ограничены. Модулятивность общего поля достигает пятидесяти экваторных единиц. Сейсмическая зона сворачивает свое действие. Напряжение возрастает. Индуктивность падает. За бортом – минус тридцать шесть. Системы обеспечения в норме. Можно отдыхать, командир.

– Спасибо, – облегченно вздохнул Основной, – пока оставайся на контроле.

– Есть, – ответил бортиженер.

– Внимание, всему экипажу – тридцать минут на отслеживание и отдых. Дежурным назначаю себя...

Так закончился их шестой день работы в новых экзотермальных высокопробных условиях земной зависимости.

И было все же не понятно, кто от кого зависит больше: Земля или те, кто пытался на ней возродить жизнь.

Но, так или иначе, дело творения вершилось.

Земля восставала и опережала сама себя. Время давало ей первую пробу сил на животворение. И то же время предупреждало: живи, Земля, но знай, что самого времени у тебя мало. Попытайся определить сама себе, сколько ты хочешь, а для этого сотвори умное существо, способное продлить всем нашу вековую, почти вечную память дней.

Отдыхал экипаж, дежурил командир. Основное было уже сделано. Семя вошло в недра Земли и оставалось ждать первого его восхода.

Что же произрастет? Подождем и увидим сами. А пока, просто дадим всем спокойно отдохнуть...

Глава 8. День седьмой

В это утро все было совершенно по-другому. Командир с подъема объявил всем выходной.

И не только потому, что внизу под ними буяла дикая, пока не обузданная до конца стихия, но еще и потому, что, как и всякому живому существу, экипажу требовался отдых. Не скоротечный, а обычный, как выходной день у себя дома.

Это немного снижало тот повседневно-рабочий уровень внутреннего напряжения и успокаивало центральную нервную систему.

В конечном счете, обычный выходной достаточно сильно воздействовал на кору головного мозга каждого участника событий и давал возможность промежуточного сосредоточения чисто на своем.

День сегодняшний ничем не отличался по своему внешнему описанию от дней других. Здесь были та же уборка, небольшая чистка отсеков и т.д., т.п. В общем, все по распорядку. Но, тем не менее, это был день общего раскрепощения и обычного расплывновения своих собственнo идущих мыслей.

Каждый стремился удалиться куда-нибудь на расстоянии в своих внутренних ощущениях и хоть на время забыть о суровых космических буднях.

В день выходной на борту не назначался дежурный. Отдыхали все, а службу обзора и обследования вела автоматика в лице обычного бортового компьютера. Это устраивало всех, даже саму автоматику, ибо, как не говори, а экипаж все же больше надеялся на свой собственный ум и проницательность. Как бы далеко не шагала техника, в самых, что ни на есть, затрудненных для обычного существа ситуациях, все же ей не сравниться с элегией ума животворящей силы и никогда не победить в плане его переориентации на что-то свое.

Когда-то, уже очень давно, их мир был наводнен этими зверскими, убивающими живую клетку мозга, машинами. Все сводилось к тому, что обычное математическое или логическое заключение определялось нажатием клавиши компьютера или просто мини ЭВМ.

Но вовремя сработала защитная система периферийного обустройства живого клетчатого мозгового соединения. Развиваясь генетически, мозг не мог унаследовать то, что предлагала ему автоматика, ибо это была не его собственная работа, а чужая, то есть, отдаленная, хотя и похожая по смыслу.

Потому, основная масса населения отказалась от такого наводнения умственного сумасшествия и приступила к разработке и совершенствованию другой, более совершенной, циклически оперирующей информационной связи.

Весь упор был сделан на алфавитно-буквенную и цифровую генетическую обусловленность практически любого закономерно развивающегося процесса. Таким образом, в обычной жизни любая компьютеризация самоисключалась, и вводилась в перфолюкацию среды внутренняя сейсмическая защитная единица мозгового индустриального соединения.

То есть, животворящее существо могло самосовершенствоваться за счет забора внутренней энергетической линии центральных спутниковой и обычной радиорелейной связи.

Этот процесс потихоньку самосовершенствовался и вскоре приобрел огромную среду своего сосредоточения. Необходимо было самоустранить отдельные поляризирующие световые элементы для внутренней разблокировки и внешней теодоляции, что значит, вовлечь себе внутрь мозгового центроизмерения силу компьютерного максимализма.

Все это – развивалось достаточно долго, и, в конце концов, вышло на свой жизненно обеспеченный уровень. Потому-то, потребность в сплошной компьютеризации исчезла, а роботы и робототехнические средства использовались только там, где грозила опасность непосредственно живому существу.

Так развивалась та цивилизация, чьих представителей, мы наблюдаем в день выходной. Но это лишь самый маленький штрих ее обозначения и основное впереди, как впереди и самое основное для Земли – выражение своего гелиопада в растущем поле молекулярных агрессий.

Но вернемся к нашему экипажу.

После всех утренних мероприятий и процедур, соответствующих общепринятому космическому стандарту, все собрались в комнате отдыха.

– Хороший день, – начали приветствовать друг друга астрономические исследователи, пожимая руки и разбредаясь по своим укромным уголкам.

– Как настроение? – спросил командир, улыбаясь внутри самого себя.

– Отлично, – отвечал неугомонный Август, плюхаясь в свою любимую кресло-качалку.

– А как у других..., не слышу? – снова спросил Основной.

– Окэй, окэй, хорошо, отлично, – последовали ответы на разных языковых наречиях.

Что ж, в выходной допускалось и такое. Язык многоголосен и разнообразен. Почему бы не поговорить так, как хочешь, или хотелось бы другому.

– Вижу, настроение прекрасное, – довольно произнес командир, – но хочу немного огорчить...

Все внимательно замерли в ожидании чего-то сверхъестественного.

– Не пугайтесь, ничего страшного, – улыбнулся Основной, – я хотел лишь сказать, что у меня сегодня очередной день рождения. А так, все в порядке.

– А почему же тогда «огорчить», – не понял вначале Вейс.

– О-о, этот командир, он хитрец, – отозвался радист, – это он хочет сказать, что с каждым днем становится ближе к помутнению своего рассудка. Наверное, хочет нас разжалобить. Так ведь, командир?

– Да, старею, друзья, старею, – ответил с небольшой грустью Основной, садясь в свое любимое кресло, – ох, уж эти годы. Никуда от них не убежать. Ну ладно, что это мы о грустном. Давайте, лучше выпьем. Как вы на это смотрите?

Все дружно зашумели, загудели, загалдели, и мгновенно на небольшом столике возле командира возникла бутылка хорошего вина и коробка, интересных по своему виду конфет.

– Качать его, – почти закричал Август, резко вставая со своего кресла и направляясь к Основному.

Все дружно поддержали это неожиданное предложение и с восторгом бросились исполнять.

– Не надо, черт побери, еще уроните, – немного опасаясь за такие действия, – говорил Э-Клерк, хотя в душе, конечно, было приятно, что тебя уважают и во многом поддерживают.

Его никто не слушал, и вскоре тело несколько раз взлетело над их головами, едва-едва не доходя до сферического своеобразно построенного потолка.

– Эй, хватит, потолок расшибу, – запротестовал командир после очередного качка вверх.

Его еще пару раз подбросили и поставили на ноги. От такого волнения немного закружилась голова, и командир чуть было не упал, но вовремя подставленные руки удержали в вертикальном положении.

– Так, – обратился он ко всем после небольшого отдыха – а, сейчас, выпьем за мои старшие годы. Не будем, к черту, грустить. Будем смотреть вперед и верить, что это зеленое колесо под нашими ногами вскоре закрутится и завертится, а что нам еще надо? Считайте это своим вторым домом, а кое для кого и вторым рождением. Ну, взяли бокалы

и выпили.

Все потянулись к вину, и через секунду бокалы опустели.

– Вот и хорошо, – довольно улыбнулся командир, садясь в свое кресло.

– А скажите, Э-Клерк, – обратился к нему бортинженер по имени, – почему вы не женились в свое время? Извините, может, это и нелепо выглядит, но просто так, ради интереса?

– Да, ничего нелепого не вижу. Обычный вопрос, да и только, – успокоил Вейса Основной, – кто его знает, – начал он, о чем-то вспоминая, – вначале мне не хотелось вовсе обременять себя какими-то брачно-семейными узами. Затем стало поздно для этого. Я ведь сызмальства в космосе. Даже родился на борту 12.78 XL 24/2. Помните, был когда-то такой корабль. Он уже списан. Но я иногда навещаю, когда бываю дома, которого, по сути, говоря и нет. Это разве дом, когда тебя никто не ждет, не радуется твоему приходу и счастливому возвращению. Я это только сейчас понял. Сам для себя живешь – это все равно, что вообще не живешь. Хотите – верьте, хотите – нет, а я вот часто задумываюсь над тем, почему же мы сами не можем решать свою судьбу в начале пути. Практически всегда нужны какие-то условности, специальные меры и другое. Неужто, нельзя, вот так, просто – жениться и все, не соблюдая какую-то иерархию своего внутреннего взлета, не обогащая свой фанатический ум другими преследуемыми целями. Но с другой стороны, тут же себя и опровергаю: такого быть не должно. Условности все-таки нужны и не потому, что так хочется кому-то, более развитому или высокому по положению. Нет. Просто они отражают волю самой окружающей среды. Не можем мы жить вот так, отделившись друг от друга какими-то перегородками. Нам требуется все же общение, а условности как раз его и создают. Да и посудите сами. Как можно жениться, к примеру, самому. Это не по-нашему. Не по-умному. И не в одобрении других здесь дело. Просто по природе мы нуждаемся в поддержке наших действий другими? И если другие одобряют, то мы радуемся. Значит, поступили правильно, как и те, кто сделал что-то подобное раньше. Конечно, здесь много разных нюансов, но все же основное я, кажется, упомянул. Как думаете, ребята? – обратился Основной с вопросом к экипажу.

– Да, наверное, все так и есть, – ответил за всех Август, – я вот тоже долго мыслил по этому поводу и все же решил: дело одного – дело всех. Такой закон больше всего подходит к нашему смыслу существования будь где. Как-то на досуге, просматривал информацию о нашем прошлом. Просто кошмар, я вам скажу. Неужели, так можно было жить? Если сейчас у нас нет подобного, то только благодаря тому, что не отделились друг от друга, а наоборот, потянулись и обрели совместно все, что хотели. Я думаю, это наши корни так говорят.

– Что ж, согласен, – ответил Э-Клерк, доставая из коробки своеобразную конфету, – ну, а кто ответит мне на такой вопрос, – командир на минуту задумался, сосредоточив свое лицо, – почему мы, такие умные, каковыми всегда себя считаем, не можем урезонить свое собственное видопроисхождение и поравняться с другой частью весьма подобного по своему существу? Природа ведь не выбирает сама своего избранника. Он сам выделяется среди всех остальных.

Наступило непродолжительное молчание, а затем Эйкувер произнес:

– Я думаю, командир, что основа этого вопроса лежит как раз в геологическом слое самой структуры любой из животворящих планет. Я уже давно обратил внимание на это. Возьмите даже нашу позавчерашнюю работу, когда мы обнаружили моллюск. Конечно, это еще ничего не доказывает, но все же я склонен думать по-своему. Природа, действительно, не выбирает, но она регулирует эту подачу. И то, что из чего происходит по своему составу или, если хотите, по качественному обогащению, и определяет верховность над остальными. Но, опять же, повторю, это только мое суждение.

– Что ж, возможно, и так, – согласился Основной, – а, что думают остальные?

На этот раз отозвался редко вступающий в беседы химик Виктор.

– Думаю, что суть вопроса располагается в следующем, – начал он как-то сразу по-деловому, – рождаясь, любые представители внешне схожих концессий пытаются как-то противостоять друг другу в борьбе за свое индивидуальное выживание. Я сколько раз наблюдал за различного типа видобактероидными носителями, и все время убеждался в этом. Сильное побеждает слабое. Но, к сожалению, мы не имеем научно-обоснованных доказательств такому

процессу в самопроизводящей на свет материи. Это трудно пока понять. Все ж я склоняюсь в сторону доктора, – заключил он свое повествование.

– А вот я думаю, – отозвался весело Август, – что надо продолжить наш праздник и еще раз поздравить нашего командира, и он потянулся к бутылке, наливая в бокалы понемногу вина.

– Да, уж, – согласился и сам виновник торжества, – надо бы, а то не выходной, а целая научная конференция.

И все сразу же засмеялись. Напряжение немного спало, и умы поутихли. Что ж, им тоже надо отдыхать или просто ни о чем не думать.

После очередных высказываний с поздравлениями в адрес именинника, все разошлись по своим углам и окунулись в свои мысли

Кто слушал свое любимое произведение, написанное кем-то, бог знает когда. Кто читал книгу, которых, кстати, здесь было предостаточно, а кто, молча, созерцал потолок и вдыхал мягкий аромат живоплетущих растений, находившихся в этой комнате.

Наступила тишина. Та тишина, которая дает возможность отдохнуть, разгрузить свою эмоциональную стоймость, убрать старое и заложить новое.

Это также та тишина, что способна отгородить каждого в своем небольшом воображении и способна создать внутри настоящее поле виртуальной реальности.

Экипаж отдыхал от своих будней, и это нравилось командиру.

За многие годы его плодотворного труда родилась какая-то таинственная благодать внутри от того, что кто-то рядом идущий и неотъемлемый в этих условиях, способен вот так, просто, взять и отдохнуть.

Это было, скорее всего, какой-то благодарностью за его обеспечение этого процесса со стороны самих участников, и она выражалась непосредственно умиротворением Основного.

Команда была подобрана по его усмотрению, ибо ему, как командиру, это разрешалось. Но это усмотрение не было насквозь проглядным до такой степени, чтобы определить всю наготу животворящего существа или суметь распознать в нем самые далекие уголки души.

Нет, целью этого не ставилось. Главное в выборе существовало одно – специфичность склада ума и деловые качества. Эмоции не определялись. Они, конечно, играли роль в каком-то общепринятом субординативном правовом настрое всех окружающих, но все же не определяли суть и целевое назначение избранного.

Общество давно ликвидировало, так называемые, последствия правовых иступлений, и сейчас среди тех, кто пока еще составлял живое население, этот фактор не был пропорционален силе здравого смысла.

Нет существенного различия: быстр ты или хладнокровно спокоен, улыбчив или характерно сомнителен в своем режиме исполнения, восклицательно восприимчив или же, наоборот, отрицательно подвержен глухому давлению.

Ценились качества: работоспособность, уверенность в себе, предназначаемость и своеобразность, или инфозантивность умственного речеизложения.

Но так жили те, кто остался пока жить, в том числе и сам экипаж. Остальные же, то есть те, кто уже пребывал там, как говорят, под небесами, этого не ощущали. Им было уже все равно. И не потому, что чисто физиологически они были мертвы, а просто из-за того, что здоровое рассуждение обрело совершенно иную проблематику эмоциональностей. Ибо то, что они представляли в мертвом защищенном виде, и являлось своеобразной цепочкой развития такового в условиях не живого существования.

Мелкопробная дисперсионная группа – так именовалось все то, что находилось за пределами досягаемости основных целевых экономических ресурсов в живом спотенцированном виде. Регрессия невинности по своему составу и складу явилась губительной для большинства ранее празднующего населения.

Успокоение ядра, механизма обеспечения основного прожиточного минимума, явилось тем конечным результатом для свободы перемещений в закрытых космических единицах.

Один квадратный километр единого космически-экономического пространства именовался одной экваторной сублематической единицей, которая включала в себя до 150 000 таких вот жизней, расположенных в порядке возрастания по периодической системе биологически чистых озонированных единиц.

Система наружного пылескопления позволяла создать единую, практически, законсервированную зону общего сосредоточения в занимаемом жизненно важном стратосферном пространстве. Таким образом, вся оставшаяся часть населения представляла собой обычную экологическую субстанцию временного распада.

Живая ткань – так называли ее ученые, изредка проверяя ее техническое состояние и измеряя параболическое водонасыщение.

Кристаллизация явилась настоящим прорывом в создании подобного, но одновременно наложила свой жизненно-важный отпечаток. Она дала рост, вес и несоизмеримую, все время растущую силу диоптрий величины тепла.

Информация, сложенная в веках, давала понять, что несоизмеримо богатое пространство на всякую элементарно-биологическую суть всегда способно восстановить прежнюю субстанцию коры головного мозга. А значит, всякое переселение возможно на уровне ископаемого прошлого.

Это делалось не за просто так, а строго, с точки зрения научно-регламентирующего подхода к возрождению будь-чьей жизни на любой из провансированных новых планет.

Готовящееся переселение должно было испытать всю тяжесть подобного и не завязнуть в своих собственных исследованиях. Как и всякая научная зыбь, она не требовала достаточно твердых убеждений во взглядах. Это было принято и, причем ото всех желающих участвовать именно в этом эксперименте.

Так было разрешено первое мертво-живое

переселение. И на одной из дикорастущих планет возбуждала чисто геометрическая, сугубо пропорциональная жизнь. Но она продлевалась недолго. Имеющиеся клетки снова изымались, доукомплектовывались и вводились в общую массу диллегирующих в иное пространство.

Таким образом, собралась достаточно сильная, субординативно годная к своему выживанию масса животворящих клеток.

Это был результат работы сейсмологического фронта окружающей среды и общей разгрузочной пропелляционной теодоляции мощных энергетических сфер вращения.

Физико-математические способности, унаследованные, как результат компьютерно зачищаемого бума, были обнаружены в самой мельчайшей суперфосфатной единице – клетке апломатического ревенсативного тепла.

Особое молекулярное поле любого типа созвездия давало уровень элементарной сферы сосредоточения, не выходящей за пределы субстанции опережения мозгового жизненного начала.

Так вот, довольно просто, образовалась инородная цивилизация по довольно схожему молекулярному составу. Но пока о ней говорить рано. Пока еще не утихли грозы, вчера только возбуждавшие, и пока экипаж анатомически отдыхал. Это был их день, ибо они заслужили его, и ни на йоту не могли взять со дня следующего.

День прошел хорошо и миротворенно. Как бы было прекрасно, если бы одноклетчатые так же жили в своем маленьком, но безумно фанатичном мире.

Регрессия невинности – это следующая ипостась умственного поколения лжецов, способных возродить себя только по апокалипсическому составу реградации собственного достоинства.

Прошел ужин, так же тихо и непринужденно. Все пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по отсекам. Им было еще, о чем подумать и наедине.

Подумаем и мы с вами, переходя к следующей главе чтения.

Есть маленький поток светоэлементов и есть такой же большой. Есть маленькая группа светопроводников, и есть отрицательная часть, мгновенно разрушающая световековую дисперсию, именуемую частью жизненно-активного пространства.

Возникнуть же светотепло может только в способности отдельных светочастиц уничтожить мгновенность развитого молекулярного поля.

Так вот. Особая сфероактивность мгновенно разрушающегося молекулярного поля является частью именуемой жизненно важной экономически открытой зоны.

Таким образом, складывая все воедино, делаем соответствующий вывод.

Любая светогрунтовая связь между уже разрушенным молекулярным полем низкочастотным модульным сигналом и непосредственно сферической частью окружения планеты называется процессом восстановления тепла, что обозначает следующее:

это особая сферогинальная связь времени поступления светосигнала к моменту его первой резодоляции в виде кристаллического опускаемого тригидрата окружающей среды.

Итак, для не сведущих в этом общем потоке разрозненной информации делаем следующий вывод:

общее поле сосредоточения сферических активных масс, полученных в результате геотерминального сейсмообложения вокруг непосредственной части коры планеты дает основную часть заряженных положительно электронов, которые, собственно говоря, и способствуют развитию теплового процесса возрождения активной периферической жизни.

Говоря проще, можно сказать, что любое экстремально развитое поле взаимодействия сил соприкосновения самого созвездия и непосредственно излучаемой мощи ядра несущей планеты, дает настоящую реально обгрунтованную жизнь с видом обретения материи.

Наступила ночь, холодная и беспокойная. Предстояла новая неделя – торжества ума над бессилием обычной стихии.

Экипаж спал, но уже частью своей мысли находился в поле окружения земной сферы вращения.

Наступала новая пора или новая эра развития, о которой так мало сказано и сказано ли вообще то, что действительно нужно бы знать на сегодня всем.

Глава 9. День восьмой, девятый, десятый или три дня раздумий

Все началось как обычно. Рабочая неделя наступала. Но все же этот день одновременно был и не похож на остальные.

Корабль располагался вдоль определенной линии субгеометрического поля окружения Земли, и был вне досягаемости ее магнитных потоков. Все говорило о том, что день сегодняшний будет проходить в рамках этой межпланетной космической станции.

Судя по изображениям на снимках, отснятых на фото аэрокосмической съемкой, на Земле усиливалась реакция вакуумного расширения кислорода, подающегося из недр ее самой.

Шли обильные, а можно даже сказать, проточные дождевые дни. Вода, обильно выделяемая не разрушенной до конца кристаллизированной аэрозольного типа поверхностью, спадала ручьями на самую открытую поверхность и заставляла в самые кратчайшие сроки распускаться игольчатой ткани деревьев и обычной подростковой траве. Всего за 50 часов с момента первоначального ввода в отдельные участки соляного экспозитива, на них произошли сильные изменения.

Структуры деградировались, и на поверхность вышла обыкновенная поваренная соль, в своем чистом виде.

Именно она должна была сыграть роль той самой первой клетчатой материи, которая в результате используемой дождевой эмиссии заполнит собой или насытит все окружающее пространство водно-дисперсионной единицей аэросимптоматического поля отторжения энергетической массы грунтового слоя Земли.

Спустя еще двадцать часов в обычном грунтовом покрытии начали происходить сильные изменения. Земля переставала быть таковой и становилась упорно-щелочной массой. Не могло идти и речи о каком-то наружном контакте со стороны тех, кто все это спровоцировал.

Поэтому, оставалось только наблюдать за происходящим с высоты занимаемого ими сейчас пространства.

Между тем экипаж не сидел, сложа руки, а упорно и тщательно исследовал состояние окружающей среды, которая за последнее время сильно преобразилась.

Командир делал записи в бортовой журнал, то и дело, задумываясь над происходящим. Он на минуту отодвигал в сторону книгу и обдумывал каждое свое предложение.

«Итак, – писал Основной, – подведу краткие итоги за проделанные десять дней нашей работы.

За прошедший период времени и в результате автономного давления на целевые энергоэкономические запасы планеты Земля нами проделано следующее:

– сделана первоначальная обработка полюсов центросмещения основы энергетического ядра первопотока, в результате которой произошло отторжение основной немагнетической массы от целевого ресурса накопительного баланса самой Земли;

– проделана работа по расширению накопительной массы водонедопускаемой ледниковой группы и предотвращению развития процесса дедукционной радиозоляции окружающей среды.

В итоге получены следующие результаты.

Поле магнетической уверенности центросмещения структуры ядра Земли было выведено на радиус поражения им основных энергоснабжаемых планетных геоструктур, что дало возможность общей резодоктации основных энергопород самой планеты.

Поле, отсоединяющее полюса магнитного сближения, значительно удалено от поля радиуса сосредоточения, коим является полученное в п.1. Это дало возможность реограунтирова-

ния всех основных подземных геопород и дало необходимую порядковую геометрическую выделенную биоединицу.

Реофронтация основных групп биоцеленаправленных структур была произведена ракетным запуском обычного звукового порядка.

Воздействие окружающей среды биопоточного грунтово-накопительного ресурса на сферонепроницаемую единицу времени, коей является натурально выделяемое энерготепло основного центросферического светила, выражено в виде дождевых сферических потоков.

Таким образом, – тут же сделал краткий обзор всему произведенному командир, – масса наружного спада дождевых линий дает возможность сплошной псевдокапиллярной уверенности грунтово-подземных геоструктур.

Ожидаемые результаты в начале декады настоящего космического месяца».

В конце записи Основной поставил свою подпись, а также числовое выражение, функционировавшее написанное, после чего немного устало откинулся на спинку кресла и потер лоб, который, казалось, горел от напряжения.

«Да, – вздохнул Э-Клерк, – работы еще многовато. Но, что поделать, коль так пожелала судьба настоящего времени. Может, процесс обусловится ранее ими проделанных расчетов, и они смогут войти в активную стереосреду уже в начале декады, до которой осталось всего несколько часов».

Шел десятый день их работы в космополитическом поле Земли. Шел десятый экваториальный день их пребывания в новом поле возрожденной теории субстанций времени.

– Боже, – подумалось вновь Э-Клерку, – как же были мы наивны и глупы всего пятьсот лет назад. Что это? Какое-то необъяснимое ими мероприятие, в котором участвовало целое поколение сродных им же существ? Или, может быть, все так и развивается: в неусыпной бдительности за своим и чужим счастьем, а также за первопроводностью здоровой точки познания? Кто ответит на этот вопрос, кроме самих себя. Не знаю. Возможно тому, что здесь зародится или рождается уже сейчас, они и помогут, хотя кто знает, как решат те, кто прибудет вслед за ними самими. Это ведь дело не одного, а общества в целом. Нужно ли ему – то последующее поколение или нет? Выбор падет и на них самих, как первопроходцев. От их анализа состояния развития этой среды будет зависеть общее суждение.

Способна ли она выразить разумное существо в общем порядке разблокирования потока информационной сути геоструктур?

На этот вопрос сейчас ответить трудно, хотя, конечно, предположить можно, что «да».

Способна. Но это ведь только предположение. Нужны доказательства. И их надо искать. Искать и добиваться самого скорейшего уплотнения озоново-проходных слоев, дабы внизу затеплилась первая единица их жизни. А почему «их»?

Почему не сказать – просто жизни? Наверное, потому, что все это делается искусственно, почти, как в пробирке.

Только вместо нее используется гигантское космическое пространство, взаимосвязанное между собой и взаиморасполагающее к себе же.

Чем-то Земля все же напоминала их Эйбл. И хотя они сами о своей настоящей планете знали достаточно мало, так как слишком поздно уже было добираться до мельчайшего, все же некоторые контрасты были довольно схожи, и так же целенаправленны.

Кто знает, может, и их жизнь затеплилась вот так же, почти искусственно осеменительным путем? А, может, и нет. Сейчас трудно об этом сказать, хотя многие придерживаются именно этого суждения. Ну, что ж, пройдет время, посмотрим. Может, мы тоже преобразуем как-то свою жизнь, то есть воплотим себя в нечто другое. Умы ведь работают над этим и даже поговаривают, что кое-что уже становится доподлинно известным. Ну, да ладно. Что это я об этом. Наше дело сейчас разгадать вот эту тайну, – и Основной посмотрел на свои записи в книге, – она сейчас наше будущее и причем самое ближайшее. А ведь решение о переселении

не случайно. Значит, все-таки ученым действительно удалось добиться каких-то параметрических познаний в этой области. Отсюда вывод, что Земля является для них наиболее благоприятной для своего развития в последующем. Интересно, а кому в голову пришла первой такая мысль? Или это тоже – очередная загадка. Что ж, поживем – увидим. Так, кажется, говорят на далеком Эйбле, – и командир, молча, закрыл книгу и даже прихлопнул ее рукой.

– Ну, все, хватит, – сказал он тихо сам себе, – пора и честь знать. Надо немного отдохнуть. Завтра тяжелый день.

Он встал и зашагал в свой отсек, по дороге все еще обдумывая результаты проведенного анализа.

– Да, действительно. Она подходит нам всем, – так же тихо прошептал Основной, уже лежа в своей удобной постели и практически сразу же засыпая.

Глава 10. Начало положено

Утром, проснувшись довольно рано, Э-Клерк сразу же принялся за дела.

Наспех умывшись и облачившись в свежую спецодежду, он быстро прошел в отсек параметрических исследований. Его уже ждали, и Основной даже удивился любознательности остальных.

– Что, не дает покоя? – улыбнулся он, здороваясь поочередно со всеми членами экипажа.

– Ох, не дает, не дает, командир, – так же, улыбаясь, отвечал Август, протягивая руку для пожатия.

– Вижу, вижу, – сказал в свою очередь Основной, усаживаясь в рабочее кресло и просматривая полученные результаты анализов.

– Что ж, неплохо для начала, – сказал он после небольшого молчания, – можно даже сказать, что основное начало сделано.

– Да, командир, – подтвердил его слова геодезист, – основные грунтоположенные слои медленно пропитываются массой дождевых потоков, и это дает шанс ускорения провеса как минимум лет на сто – сто пятьдесят.

– А, что такая расхожая цифра? – спросил тут же командир.

– Дело в том, – начал объяснять Рун, – что точно определить это практически невозможно. Нет доступа, предполагаемого к такому анализу. А поверхностные снимки многого не говорят. Даже уплотняющаяся среда от массовых выделений единиц не вполне точно определяет. Так, что тут уж ничего не поделаешь. Надо ждать, когда все успокоится.

– Что ж, согласен, – ответил Основной, просматривая дальше весь отснятый материал, – о, я вижу наши копи – выросли, – улыбнулся он, указывая пальцем на одну из деталей фотографии.

– Да, – отвечал палеонтолог, – соли окаменели и дают возможность для образования первой синтоитивной единицы. Вскоре эти россыпи вовсе затвердеют, и можно будет снять первый посев.

– Хорошо, хорошо, – успокоил так далеко идущего доктора Основной, – пусть, себе растут. Обождем. Торопиться с этим не будем. А как с кальцием обстоит вопрос?

– Похуже, – честно признался тот же, – пока определяемых наносных выделений нет. Возможно, придется делать третирование. Но, подождем еще пару часов. Если наруже не появится, то тогда примем решение.

– Согласен, – ответил Э-Клерк, внимательно всматриваясь в представленные видеоматериалы.

Наконец, убедившись в правильности принятых ими же решений, все разошлись и спокойно позавтракали.

Время работало сейчас на них. Через два часа они получат необходимые им результаты, и уже согласно ним будут проделывать дальнейшее.

Основной долго и упорно рассматривал уже прочитанный им материал, откладывая в сторону полученные ранее фотоснимки. После этого он направился в свой рабочий отсек и, взяв бортовой журнал, внес некоторые дополнения.

« Небольшая корректировка. Установление факта-события по полученной радиофотодокументации.

Разблокирование центросмещений магнитных полюсов дало возможность совместить выработку соленигов и радиопередислокацию огнеупорной упругой массы ядра Земли.

В результате получаемых сведений стало известно, что молекулярное взаимоотношение проделанных геофизически выкопей и входящих в их состав полей бактериологических единиц составляет 1/234.

Это дает возможность обложения полевого изотопа водородно – активизирующей группой, что, в свою очередь, предполагает возрождение единицы светового потока – люкс. Молекулярное давление составляет 730 единиц, выраженных в гектопаскалях. Особая молекулярная зависимость полей отторжения и полей сближения взаиморасполагает к самовыделению тепла, несущегося в созвездии светила. Мною приняты меры по досовершенствованию выделений калиевого суперфосфата инородно-проходных солей и усилению кальциевого резонанса. Время распада на единичные биогрунтовые группы составляет 62 единицы космического времени.

Доусовершенствование магнетически выделяемой массы стереосреды буду производить путем досылки в центросферическую систему энергопритяжения Земли двадцати двух единиц экспозитивного радиационно-химического разрыва. Это даст водную реадаптацию окружающему и выделит светопроходной диодный, совершенствуемый в результате самораспада отдельных гиностезийных групп, элемент.

Время такого расчета обосную по времени заложения гиперпермонента двуокиси гидростеноскопического состояния элемента защиты самого ядра планеты.

Итоговый вывод самофункционирован решением вопроса образования центросферической связи системы и взаиморасполагаемости элементов радиационного распада».

Сделав такую запись, командир снова поставил число функции и свою роспись. После этого, закрыв журнал, он встал и направился в лабораторный отсек.

Прошло два часа с начала осмотра первой заснятой территории поверхности, и надо было решать вопрос теоретической разгрузки времени их местонахождения.

Командир вошел внутрь и осмотрел полученную информацию. Все подтверждало сделанные им выводы в отношении изменения полей радиоактивности зависимой среды. Необходимо было увеличить в размере изотопическую массу отрицательно заряженных частиц. Такое можно было проделать только с помощью мощного радиогенерирования открытой космической первосреды.

– Внимание, всему экипажу, – обратился Основной по радио к остальным, – всем занять свои места в указанных отсеках, – и он начал перечислять поименно направление работ, – пилоту вывести корабль на расположение границ субэкваториальной и экваториальной зон радиоотслеживания.

– Есть, командир, – поочередно отвечали члены экипажа, и Э-Клерк почувствовал, как заработала система обогащения кислородной массой.

Корабль двинулся с места, и его заледенелые бока начали сбрасывать с себя отвердевшую влажно-оксидную структуру космической пыли.

Спустя два часа он был в намеченной зоне, пытаясь не попадать под активно-сферическую протекаемую взаимосвязь.

– Тяжело удержать корабль, – донесся голос пилота, – сильное торможение. Боюсь, придется занять вертикальное положение.

– Хорошо, – неожиданно резко зазвучал голос Основного, – внимание, всем переключиться на систему разреженного поля. Для безопасности пристегнуть ремни.

Спустя минуту корабль обрел вертикальность, а экипаж разгруженность своих тел.

Они в буквальном смысле висели в пространстве, и лишь ремни давали какое-то ощущение нормального телоположения.

– Внимание, – снова резко повторил тот же голос, – всем занять места у пультов для навигационной стрельбы. Используем геологическую массу самой Земли. Разрывы должны ложиться в область ее сферического напряжения, то есть, непосредственно над обоими полюсами. В соприкосновение не входить. Минимальное расстояние до основной поверхности 200 сферических экваметров. Поочередно зарядить установки и доложить о готовности. Мощ-

ность радиособлюдаемого взрыва не должна превышать 300 экзотермических единиц. Все. Жду ваших докладов.

Спустя минут двадцать послышался голос первого.

– Докладывает Вейс, – сообщил он, – к проведению мероприятий готов. Радиус опознан. Наведение нормальное. Максимум определен. Ввод дополнительной информации исключен. Пусковая установка в готовности № 1. Жду указаний.

– Первый, пуск, – тут же последовала команда, и ракета, наведенная в непосредственно указанное место, оторвалась от борта корабля, с которого наблюдали за ее полетом.

Где-то там вдалеке она разорвалась, оставив после себя небольшую точку на мигающем экране их мониторов.

– Цель поражена, – доложил Вейс, готовясь к следующему своему пуску.

– Докладывает Арт, – раздался голос пилота, – смещаюсь в сторону и меняю уровень.

– Хорошо, – ответил командир, – по готовности доложить.

– Есть, – кратко ответил тот, и корабль начал менять свое положение.

Спустя пять минут, по готовности второго, был произведен запуск еще одной ракеты, усиливающей работу первой.

Затем корабль, то и дело, меняя направления, перебазировал мощные головные части звездолета в нужное им положение. Наконец, последняя ракета ушла в указанную ей область, и командир дал команду на отход.

– Все, – объявил он по радио, – работа закончена. Всем объявляю небольшой перерыв. Отходим в место прежней дислокации. Установить необходимое наблюдение в режиме автоматического слежения.

Через два с небольшим часа они были на своем первоначально избранном месте.

И все это время на борт поступала информация. Основной ознакамливался с ней и делал свои очередные записи в бортовой журнал.

«Насыщенность углеродом снижается. Радиоактивность усиливается поминутно. Верхняя отслоившаяся часть в результате взрыва изотопической массы образовала центросферическую окружность вокруг Земли. Молекулярное поле растет согласно замеров функцией гелиоскопов. Распад усиливается. Сфера постепенно образует молекулярную массу. Состояние изотопической массы, окружающей Землю, отрицательное. Псевдокатастрофическая, углеродовыделяемая насыщенная верхняя часть отделившейся экваториальной поверхности образует настоящую стратосферу центростатического молекулярного поля сближения.

Таким образом, в результате прямого поглощения верхних, сосредотачиваемых ранее кристаллообратимых структур радиоактивными изотопическими молекулярного строя био-полями, происходит обнаружение нижнего изотопического слоя центросферического окружного типа давления, выраженного в строгих астрономических единицах.

Широта прямого поглощения основных радиофизических параметрических единиц составляет 28 град. Ю – Восток. Долгота не имеет своего сферического завершения, что дает полный светодиодного типа проток досылаемой радиоактивной массы основного светила.

В результате:

– образована сферическая масса, именуемая пока условно анатомической сферой окружения;

– образована дополнительная, ей псевдоподобная, радиопоглощающая зона, условно характеризующаяся как стратосфера;

– образован лучевой отток, составляющий 28 град. Ю-Восток и одновременно открыт люминесцентный проток изотопических открытых масс по долготе незавершающейся сферической окружности;

– анатомическая масса радиосфокусирована посредством изоляции верхних протекаемых грунтов. Взаимосвязь межпланетной редукции не нарушена;

– изотопическая молекулярная масса равна коэффициенту мягкости выделяемой энергии непосредственно ядром Земли.

Таким образом, сила падения светосигнала составляет силу отражения энергетических масс самого ядра, а значит, угол падения равен углу отражения, что дает возможность взаимобмена энергетически ценных веществ верхних и нижних слоев анатомических масс. Циркуляция светопотока регулируется подачей энергомассы, выделяемой непосредственно ядром Земли. Образованная световая дисперсия составляет 1,2 люкса в секунду, что дает возможность утверждения в земных проходных условиях настоящей цивилизации первоклетчатой репрессии времени.

Вывод:

образование верхнего и нижнего слоев анатомического давления дает возможность проникновения внутрь светопроводным элементам и образует там же бактериоидную вирусопотребляемую массу. Компонуемая взаимосвязь между проходными циклическими временными дождевыми потоками и светоизлучением выражает уверенность в широком ассортименте проблемизирующей геоструктуры Земли. Основой резактивации является предполагаемый радио-молекулярный взрыв.

Строение изотопической массы проходного светосигнала будет приложено в последующей обработке синтетических масс».

На этом этот небольшой доклад о проделанной работе заканчивался.

Командир снова закрыл журнал рукой и откинулся на спинку кресла.

«Что ж, – подумал он про себя, – начало положено. Светоизлучение приведено в норму за столь незначительный срок доработки. Но сколько продержится это поле радиотоксикации Земли – пока неизвестно. Ну, ничего. Подождем немного, хотя бы до утра следующего дня. Посмотрим, что можно еще предпринять».

На этом его мысли оборвались, ибо он решил немного отдохнуть, хотя до конца их рабочего дня оставалось довольно много.

– Ну что ж, небольшой перерыв не помешает, – объявил он сам себе и, решительно встав, отправился в свой отсек.

Остаток дня все провели в дополнительных исследованиях, вследствие чего в том же журнале появилась следующая запись.

«Поле Земли экстремально подтверждает соприкосновение с открытого типа бактериоидной массой. Основа реотояции – внешний радиоактивный обмен.

Скученность радиомолекулярных полей достигает размеров обычных изосферических масс, что дает право на дополнительную энерговнедряемую единицу внутри геослоев Земли.

Энергопоставляемость космического радиозонда составляет около 500 люкс в изотермическую единицу времени.

Энерговнедряемость составляет примерное равенство единиц, что дает основу для всещелочного разложения геохимических масс. Исследованная часть наружной стратосферы подтверждает условное проникновение изотермического тепла внутрь состава цитоплазменного начала гелиоплода, расщепляемого на молекулярные соединения.

Основное поле соединения является основой для всего бактериологически несущего и энерговывделяемого. Самостоятельный рост биохимической апломбированной активности не исключен.

Возможны проявления векторального соединения в верхних слоях апломбированной сферы вращения и нижних сосредоточениях экстремально насыщенных водно-дисперсионных групп».

Поразмыслив еще немного, командир дописал:

«Густонасыщенная, строго прозолированная среда имеет высшую сферу рассредоточения, что не исключает возможность появления первого континентального созвездия. Веро-

ятность употребления сферического эпицикла событий составляет строго пропорциональное соотношение и равно одной молекулярной единице выражения.

Разрушение контактной, ранее сферически-циклоидальной, цифровой зоны рассредоточения основных элементов радиопоражаемых частиц является элементарной базой нового центросферического вращения околоземной единицы первопроходного баллистического уровня, условно обозначаемого полем центросферического вращения самой Земли.

Таким образом, в результате столкновения околоземных радиоизотопных соединений и частиц ранее употребляемого поля обнаружения, образовалось поле сейсмического вращения самой Земли, энергоотражаемая часть которого обращена лицом к планете.

В итоге, получена сейсмодинамическая смесь радиодезактивации свободно передвигающихся в анатомической сфере отрицательно заряженных частиц и ранее опустошивших себя в той же свободной сфере вращения электронов, ранее играющих роль свободного полупроводника.

Таким образом, образовалось строго сферическое центроснабжение земной поверхности эмиссией радиоизотопного тепла основной энергетической батареи созвездия, коей является светило, в результате которого возникло перенапряжение общей цепи разгрузки подачи энергетических масс, сопровождающих Землю других планет, входящих в эту же систему.

Образовалось поле перенапряжения со своей закручивающейся световой гаммой излучения.

Возникшее поле обратилось в строгую молекулярную зависимость и создало особое магнетическое поле завихрения светоопускаемого сигнала, именуемого условно гамма-излучением, согласно окружностей посылаемого сигнала вокруг сферы основного вращения.

Радиоактивность, стягиваемая этим новообразовавшимся полем сферического давления, вводится непосредственно в излучаемую светомассу, именуемую обычной реверсивной, то есть, возвращающейся эмиссией.

В итоге, создалась следующая провозолирующая, окупаемая центросферическая связь.

– досылаемый основным светилосигналом светосигнал, проходящий непосредственно сквозь анатомическую сферу, образует в самой массе этой сферы уже преобразованный радиоэлемент, именуемый изотопом космического тепла.

Этот радиоэлемент вызывает центросопритягаемое, взаиморасполагающее световое поле и дает яркий окрас непосредственной сфере вращения. Основные радионеразлагаемые элементы образуют свою группу соединений, именуемую светопадаемым сферическим лучем. Его протяженность составляет сферическое закругление и выражается в люксоподаче, именуемой условно альфа-сферотическим излучением, которое и образует непосредственную взаиморасполагаемую связь между двумя рядом находящимися планетами созвездия.

Образованное строго молекулярное поле перенапряжения дает силу векового распада молекул настоящей регрессии. Сила атомного изотопического соединения отражается непосредственно на поверхности самой Земли.

Возникающее при этом поле светового давления на все более растущий световой день, дает предполагаемое бета – сферическое окружное лучевое отражение.

Таким образом, в зону воздействия заключительного этапа, располагающейся на расстоянии цепи времени взаимно отторгающихся полей планет, введено три вида полезного излучения, именуемого обычным центро-сферическим нулем.

Задача по отбору основной радиоактивной единицы возлагается на центробежную силу ядра Земли и ее выделяемое поле отторжения инородных масс.

Светодень составляет совокупность всех радиоизлучаемых единиц. Ночь, то есть сферическое центровращение самой Земли составляет радионенасыщенный поляроидный молекулер, именуемый условно Западным отображением величины роста самой геодезической

массы планеты. Разлагая все по компонентному составу согласно исследованиям настоящего экипажа, делаю предварительную заключающую оценку состоянию Земли и ее окружению.

Земля, образованная, как следственная изолирующая проводная связь межпланетных регрессий времени, в настоящий момент явно перенасыщена углеродно-выделяемой массой и не подлежит пригодности в порядке эксплуатации живой клетки «стромб».

Вместе с тем, унаследовавшее генопроцветающее наследие от тех же регрессий времени планет, дает основание для заполнения роста эволюций в течение близлежащих стереометрических лет.

Таким образом, не ссылаясь на свою, практически, заключающую регрессию времени, Земля способна сохранить лучевыделяемую нагрузку сферического центрального снабжения и способна унаследовать геометрически параболическую единицу протекающего времени.

Условно вводимые «день» и «ночь» дают свободу обращения земной сферы вращения, а значит, образуют гектоскопические поля молекулярного сложения радиоизотопов, что дает возможность свободного параметрического передвижения на ее коре и непосредственно вне ее в пределах досягаемой анатомической сферы.

Абсолютная величина геодезической массы дает полноту и охват самой сферы обращения вокруг самой себя. Закрученная вихрепоточная, излучаемая светилом эмиссия сопровождает планету и взаимодополняет, энергоутилизировав излишество потребляемой энергии.

Свободное падение наблюдается в пределах допустимых норм. Единичное измерение соответствует росту геодезических масс, окружающих по орбите основную материковую планету.

Изотермических окон не наблюдается. Планета окутана плотным слоем окружающей анатомической массы.

Данные провозолитированного изотермического исследования подтверждают выше описанное мною».

Далее следовала снова подпись и функция определения события.

Командир устало смахнул пот со лба и даже попробовал голову руками. Мозг немного болел, если так можно сказать о том сером веществе, что находится внутри черепа.

Поэтому, Основной, потянувшись, встал со своего рабочего места и решил просто пройтись, чтобы размять свои ноги.

Он вышел в другое помещение и сразу же столкнулся с идущим навстречу радистом.

– Чтонибудь стряслось? – спросил Основной.

– И нет, и да, – пожал плечами тот, передавая ему в руки текст расшифрованной радиogramмы.

Командир развернул и быстро прочитал написанное. Затем, с минуту поразмыслив, сказал:

– Ну, что ж, коль решено обосноваться здесь, то значит, так тому и быть, – и, обращаясь к радисту, добавил, – собери всех. Я сейчас буду в кают-компании.

– Есть, собрать всех, – устало произнес штурман и удалился из проходного отсека.

Командир же, постояв еще с минуту, грустно улыбнулся и добавил:

– Ну, что ж, прощай Эйбл. Видно, не суждено мне было умереть дома. Буду надеяться, что моя жизнь когда-нибудь образуется где-то еще в других подобных планах.

И повернувшись, он пошел в боковой отсек, на ходу обдумывая каждое слово, которое хотел произнести своему экипажу.

Глава 11. Совещание

Командир зашел в кают-компанию, когда все уже собрались. Лица присутствующих, хоть и не выдавали тревожного волнения, все же чувствовали какое-то напряжение. В воздухе царила тишина.

– Я собрал вас, друзья, – начал Основной после небольшого молчания, – для того, чтобы определить наш задачи на будущее и вместе с тем сообщить последнее известие с далекого Эйбла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.